

СМЕНА

17

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

год издания сороковой

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

17

**СЕНТЯБРЬ
1963**

Их целинная биография только начинается. Это — первое лето Толи и Вали Рындиных в совхозе «Ишимский». У них любимая работа: Толя — слесарь, Валя — зоотехник — и большие планы на будущее. Счастливого и долгого вам пути по целине, ребята!

Я НУЖЕН СТЕПИ ДО ЗАРЬВУ

Н. ДМИТРИЕВА, Г. ДУБНИНСКИЙ,
специальные корреспонденты «Смены».

Двое стояли в степи. Над ними незаметно таяла луна, большая и полная до краев, как озеро. Туман растекался по колосьям, траве, цветам. У него был знакомый запах парного молока. Внезапно на дорогу вырвалась бесконная грузовики, пронеслись, словно сыр, и пропадали в светлом рассвете. Где-то дилепо, на всю степь, еще с ночи, ровко, как часы, бегит мотор трактора.

— Смотри,— вдруг зашептал Толя,— видишь?

Из травы на дорогу вышла птица. Она поочередно на длинных тонких, как прутики, ногах. Коричневые крылья чуть пробивались сквозь пух. Птица по-хозяйски строго, в упор уставилась на ребят: кто там?

— Местный страус!— спросил Толя.

— Дрофа,— улыбнулся Валя.

Птица вдруг легко, беззвучно развернулась и поначалу назад, наверное, и маме. Она бежала стремительно и неслышно, как будто летела низко над колосьями. Но она не могла лететь, молодая хозяйка степи в ее крыльях не было силы.

Скоро дрофа скрипела. Осталась одна степь. Жесткая трава. Земля, твердая, как сплав. Казалось, тонки под ней каблук, и загудит она на весь мир.

О чем задумались Толя и Валя, глядя вслед птице? Момент, им сделавший чуть странно перед этой огромной, неизомой страной — целиной, а может,— наверное, так оно и было,— захотелось поскорей помериться с ней силой, проверить здесь себя.

Кому как не этой бесконечной земной громадине и доказывать, на что ты способен, есть ли у тебя крепкие крылья и не собираешься ли ты, как та молодая дрофа. Бегать назад, встретившись с неизвестным, неизомым.

Это было их первое утро на целине. Они вышли к нему по-дружески, приветливо. Просто невозможное им было оставаться дома в свое первое утро на целине. И сонные поднилось их, как старый целинник, пришлое их. Толя и Валя Рындины, выросли в Тбилиси. В старом Тбилиси. Это сейчас так далеко от Ишимского зерносовхоза Северо-Казахстанской области, так далеко, как будто на другой планете. Луна и та казалась им теперь блонне, чем Тбилиси.

Совсем недавно у них были разные фамилии и одинаковые судьбы. Росли в одном дворе. Учились в одной школе. Вместе читали книжки, спорили, пели песни, дрались, танцевали, играли в волейбол. Толя и Валя еще носили пионерские галстуки, когда весной 1953 года первые шельоны с комсомольцами-добровольцами мчались в казахстанские степи. «Едем мы, друзья, в дальние края,— пели первые целинники. — Станем новоселами и ты и я»,— беззаботно напевала тбилисская мальчишка и девочка, шагая под цветущими деревьями в школу.

Ваша нынешняя судьба, Валентина и Анатолий, начала строиться в те дни, десять лет назад.

Вот как это было. Май. Северный Казахстан. Рыжая, как верблюжья

шерсть, степь блестит на солнце озерами талого снега. Вась забрызганный грязью егизик уткнулся радиатора в кочку и стал. Шофер директора будущего целинного совхоза Хатир Нуриев, черноволосяный, худощавый, с глубокими темными глазами, обнюхавшись на руль, удивленно следил, как высокой неслепидный дядька в очках — архитектор — вылез из машины прямо в грязь, подошел к ишиминскому и сказал:

— Совхоз будет здесь! Пришел на коротычки и стал забивать в землю колышек — «Совхоз Ишимский». А над ним, над машинкой, над степью летали и гадали дичие утки, и места казались таковыми чужими и странными, что трудно было поверить, будто могут они стать любимым полем и приютить людей. Сейчас Хатир Нуриевич Нуриев — председатель рабочкома всего Ишимского зерносовхоза. Он и теперь все вспоминает:

— Я тогда молчал, мое дело — баранку крутить, а сам про себя думаю: какой совхоз, когда здесь сплошное болото да утки с журавлями.

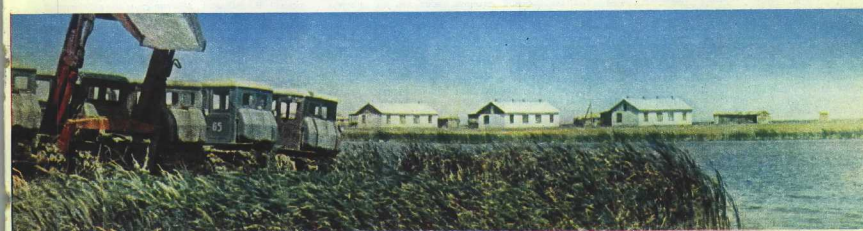
А на ставицах Киялы, Тонули, Полу-

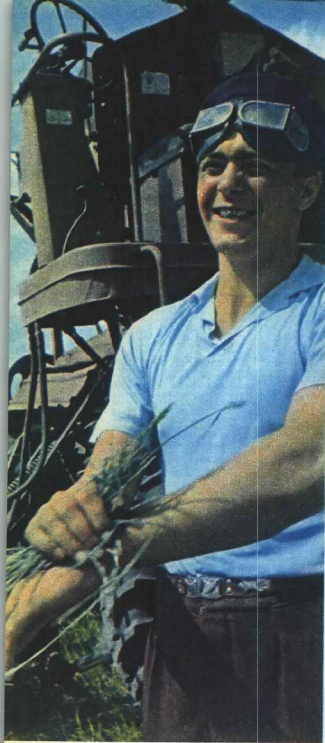
дино уже знакомились друг с другом. Будущие новоселы Ишимского совхоза. Потом грузовики увезли их в степь. И там, где забит были колышек, появились паляти. Пришла техника. И казахстанские степи начали с боем отступать, уступая место паше.

Первыми приехали в этот совхоз кубанцы и ленинградцы. Кубанцы были трактористами, полеводцами, ленинградцы — строителями. Но осваивали целину вместе. Тоса Смирновой было восемнадцать лет. В Ленинграде она работала на стардоне имени Кирова, проворила билеты у большевиков, поспешила кончатрица. Самый первый шельон «Ленинград — Целина» увез ее за тысячу километров от шума Невского проспекта. В это лето она работала прицепщицей на тракторе. Тракторист-кубанец посмевался над городской дичиной. Как-то остановил он трактор посреди поля, позвал Тоса:

— В тракторе искра пропала. Берн ведра и живо беги до Владимира Полимова, попроси искру. Положишь ее в ведра, а сверху трюшкой завязки, чтоб не потерялась, йска!

— Йска,— вынула Тоса и побема-

Виктор Нужный доволен. Хорошо работает на уборке комбайн, который он отремонтировал и подготовил к работе своими руками.

Так строится новый совхозный Дом культуры. Здесь будут комнаты отдыха, читальня, кинозал для показа широкоэкранных фильмов.

Тамара Гурская — фельдшер. Она член комсомольского бюро, и ее помощь не ограничивается приемными часами в поликлинике.

ла с ведром через поле. После этого случая повисла интерес к технике, к машине.

Тосня подружка Лиды Приюбок с ленинградского завода «Металлист» стала завраском пединком. В новых глиняных домах, построенных целинниками, она помогала класть печи — была тогда в совхозе одна женщина, которая разбиралась в чертежах.

И сейчас Тося и Лидка живут в родной усадьбе. Родной в самом полном смысле этого слова. Они строили ее своими руками. Здесь родился их дети.

Целина — край молодых. Наверное, так оно и должно быть. Но те, кто пришел сюда первыми, уже немало прожили.

Они собирались как-то после работы под выхлопными мутами, вырванными их руками, чтобы вспомнить первые годы. Это сидели и неторопливо вели разговор дужинки и седенники, многие из них уже под сорок. И не слышишь ретких морщин, и женщина пробивается в волосах перых

целинщиков», как они называют себя. Вот оно, время! Десять лет целины. Десять лет большой человеческой жизни, очень трудной, очень нелегкой, прекрасной жизни.

И все-таки целина молода. В Ишимском зерносовхозе две тысячи триста работчи и работниц — это не считая многочисленного загорелого потомства. Сороч две тысячи гектаров земли поднят и освоил северокаштанский Ишимский зерносовхоз. Из них более 38 тысяч — под пашней, более 3 тысячи гектаров выгонов, на 7 гектарах растут сады, лесные полосы пересечки полей.

—Тоя Рындин окончил школу и ушел служить в армию. Был в Казахстане, только не в Северном — в Западном. А когда вернулся домой, Вала уже стала студенткой Гурьевского зооветеринарного института. Тогда трудно было поверить, что эта задумчивая хрупкая девушка с темными ласковыми глазами станет зоотехником в целинном совхозе, хозяйкой 650 голов крупного рогатого скота красной степной породы.

Весной было распределение. Из пятидесяти выпускников пятеро решили уехать в Северо-Казахстанскую область. У всех, кто учился в вузах, связанных с сельским хозяйством, один любимый поэт — Сергей Чекарев. И каждый молодой агроном или зоотехник обязательно помнит наизусть строки его стихотворения: «Я верю: я нужен степи до зарезу, И особенно то место про степь, где горючится, что тона без меня промывает, наверно, это я без нее не могу. Но одно дело —знать стжки, другое —собирать в дорогу, зная, что «нужен степи до зарезу».

И вот после свадьбы слесарь Толя Рындин с женой-зоотехником Валей собрали небольшой чемодан, взяли гитару и уехали в зерносовхоз «Ишимский», Ишимырзаскского района, Северо-Казахстанской области.

Они приехали, как говорится, на готовое, увидели, что третья отделение совхоза, куда Вало назначили главным зоотехником, краснорасположилось вокруг прудов, заросших камышом. Проядет время, Толя и Ва-

ля узнают, каким трудом достались эти пруды первым целинникам. Узнают они, как бывший управляющий третьего отделения Павел Нефедович Чаплин — он теперь заместитель директора совхоза по хозяйственной части — организовал первых целинников рыть котлованы, засыпать дамбы. Теперь та плотина, что была сделана вручную, скрыта под водой, и только ветераны целины накрепко запомнили место, где она проходила. Вода — это спасение целинного урожая, лучший помощник целинника. Сейчас в этих прудах видимо-невидимо рыбы, а почти десять лет назад Чаплин первый на собранном выловил триста рублей — на рыбу. И тут же эта сумма выросла до 1 900 рублей. На эти деньги купили целый самосвал зерновых карпов и осторожно выпустили их в воду, скользящую от тающих снегов. Потом на прудах выросли камыши, и дикие утки стали выводить здесь птенцов. А во дворах новоселов целинских степен шумит сеть.

Все готовое... Первая целинная

Полина Гусева пришла сюда из Горьковской области. Она — одна из лучших доярок первого отделения совхоза.

Идет ровесник целинни. Этот хлеб вырастили его папа и мама. Но скоро и его руки станут сильными и поведут степной корабль в поля.

Здесь, на целине, Валя Смирнова научилась за два года водить трактор и комбайн, была поваром, а теперь совхозу нужны почталыоны.

доярка Мария Шайтан пригнала в совхоз первых коров. О, это целая история! Мария была трамвайным кондуктором в Ленинграде. С красной книжечкой комсомольской путевки приехала светловолосая сероглазая девушка в то место, где должен был создаваться Ишимский совхоз.

— Кто умеет коров доить! — спросил как-то у будущих покорителей целины.

Все молчали. И тогда Мария несмело сказала:

— Я умею. Когда-то у мамы в деревне видела.

Целый месяц была Мария с товарищами в командировке. За сотни километров гнали скот в свой совхоз: коров местный совхоз передал им отбросованных, упрямых, непослушных. Сто километров прошли, а чуть не успели — и они поворачивают к дому. Ну и напалася с ними Мария!

Ночью лежит под теплого и даже во сне повторяет вслух:

— Стой, Рыбушка, стой, стой...

Из тех коров, которые пригнала в совхоз десять лет назад Мария Шайтан, не осталось уже ни одной. Но зоотехник Валя Рындина должна знать и помнить, что даже у ее подшефного племенного поголовья тоже есть своя целинная история, и первая доярка совхоза Мария Шайтан еще не раз поделится с ней своим опытом, наблюдениями, а заодно расскажет молодой семье, как познакомились со своим будущим мужем — шофером Мишей Шайтаном, как вырастили они сына Геню, который теперь уже ходит в школу.

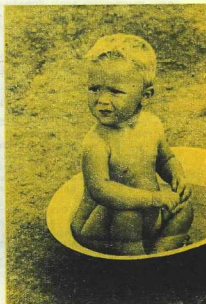
— Он у нас натуральный целинщик, — говорит о нем с гордостью Мария.

Вечером вместе с мужем и «натуральным целинником» она пришла на старую, футбольное поле внушительных размеров было залито не по-вечернему жарким заходящим солнцем. Все скамейки были заняты. На дружной митинг с Ишимским совхозом, славящимся своими футболистами, приехали гости из соседнего

совхоза — «Москворецкого». Сначала главными пришлось туго: в команде Москворецкого совхоза быстро обмужавшие себе московские студенты, прибывшие по старой традиции помогать целинникам. Студенты МГУ были лучше подготовлены и показывали разные «финты».

И все-таки ишимцы не сдались. Без устали бегая нападающий — юркий комсомолец совхоза Толик Егоров. Его знают в совхозе все.

Озорным тринадцатилетним мальчишкой привез его сюда отец, первый целинник. Толя и Битя Нужный — два ровесника, два пацана на зыб совхоз. Они были ездочками и гоняли на лошадах по степи по заданию бригады. Мальчишки росли. Толя стал и товарищому станку — учиться на трактора. Битя потехонку спасарил. Оба уже могли водить машины, тракторы, комбайны. На целине ребят не отяньешь от техники. Пріезжает комбайнер вечером домой, ставит комбайн,

Хорошо!

как «Волгу», у дверей, идет умыть-ся. А целые-таки мальчишки и девчонки умчат по улице паровозиками на пружинистое кресло, сигналят.

Пришло время — Толя и Витя ушли из совхоза сплунить в армяно, и вот надвигая они снова возмужавшие, громкой, повзрослевшие, серьезные, умелые.

Я думаю, такому сохозяному комсомолу, как Толя Егоров, можно позавидовать любви комсомольской организации. Он хорошо знает всех своих комсомольцев. Знает, чем они живут, где работают, что делают по вечерам. В совхозе все на глазах. Но нужно уметь, и хотеть писать. Нет, Толя не выступает перед своими ребятами с жаркими речами-призывами, но ораторским талантом берет он. Правда всего он сам работает. И считает, что если его выбрали комсомолом, он должен меньше всего говорить и больше делать.

Не все идет ладно, но все сразу клеится. Вот директор совхоза бригадир Маркович Николаенко зота и молодой — тридцать два года, — а спортсмена пока внимания мало уделяет. И Толя спорт, доказывает, призывает.

Сейчас он бегает по футбольному полю. Ведет мяч. Передача капитану команды Толя Рымдин. На скамьях — шум и ликование. За столбом пыли не видно, кто из ребят долгонный гол в ворота проинника.

А солнце застряло на горизонте. Красное, круглое. И кажется, оно вот-вот сорвется и покатытся по степи. Летают большие, как плечи, комары. Над котлованом проходит коричневое стадо.

«Десятилетняя цепина. Десять урожаев. Тасача белых домышек. Сады. Водопровод. Мобильны — мирные орудия земли, идущие в наступление. Пришкольные участки, на которых дети выращивают капусту, клубнику, чернику».

...Третий раз признают корреспонденты «Смешны в зернохосхозе «Ишимский». В подшивках редакции хранится номер за 1954 год. Первое ценовиком. Начало новой степи. Выростай мальчишка Серена Назаров — прицепщик. Художца черноволосый паренек Толя Остащенко около трактора. Первое мая».

Когда наш корреспондент вернувшись из этого совхоза в 1958 году, читатели журнала увидели, как много сделано за пять прошедших лет. Вырос Серена Назаров — он стал трактористом и даже обучает своему делу такого же внимательного выхре-дого пареня, какна сам был пять лет назар. Уже целые ряды белых домов протянулись вдоль Комсомольской, Кубанской, Ленинградской улиц. Строят в совхозе водопровод. А сколько новых лиц, новых людей появилось здесь за это время!

На этот раз мы снова думаем встретиться с нашими старыми друзьями. Но разве все разошлись? Ушел в армию Серена Назаров — он стал артистичный уехал в Алма-Ату на курсы киномашиностроения широкоэкранный кино: в совхозе строится новый Дом культуры. Но у нас, у читателей нашего журнала появилась в совхозе «Ишимский много новых друзей.

Мы хотим, чтобы они стали и нашими друзьями, Валя и Толя Рымдины. Вы приехали сюда, подосновали и целина преподносит вам огромный свадебный подарок. Она дарит вам все, что создано еще за десять лет. Вы становитесь хозяевами целины. Работая с вами работают ее создатели. Дружите с ними, учитесь у них. Большое хозяйство в ваших руках — ни в одном доме не поместится.

Говорят, что в МГУ каждый третий студент пишет стихи. Одни приходят с ними в литобъединения факультетов. Другие только читают их друзьям. Но остальные — амстуденты-публицисты. Стало хорошей традицией — издавать поэтические сборники студентов Московского университета.

Сегодня мы публикуем несколько стихотворений из будущей книги.

По светлым
и созвездиям

Ю. ЛОЩИЦ (филологический факультет)

* * *

Обожал кисть и краски,
Только хомст мне маловат.
Мне другое дело краше:
Это

краску малавать,
Эй, эстет, взгляните выше
И добавьте в толстый том,
Как рисуток образ краши
Над дестым этжом.
Мы на верхе такой поадам
Не напрасно с краской красной,
Ведь искусство — это

если
И поаэво и прекрасо
Кисть в руке, она такая
Непомерная в длину,
Что такую без труда я

Прмо в солнце окупу,
Мир невадом и огромю:
Липь движенье оно —
И тремат

под нами
Жестяное поаотю.
Солнце жарит жость и спшу
Помахай, попопробуй,

се!
Над такою над картиной
Модернст любой бы садк.
Не вместишь ее в музей,
Но не даром был наш труд:
С самоата пусть газуют
И под крашою живут.

КОРТОК В ИШИМСКОМ КОХОТ

Ультразвук пишет

Ультразвук давно используется в промышленности. Теперь ему найдено новое применение: в самопишущих приборах. В США сконструирована автострука, в которую вмонтирован крошотный ультразвуковой генератор. Вместо пера — шарик, оставляющий след на бумаге при записи. Ультразвук нельзя стереть. Ультразвуковые самописцы найдут широкое применение для записывающих устройств в метеорологии, технике, медицине.

Картофель чистят пламенем

— Опять картошку? Чисть сам... Надоело. И возмает семейная разволака. Да, чистка картофеля — процесс не из приятных.

Но представьте, что картофель, очищенный от земли в вибрирующей шафду, куда подается вода, затем попадает под обжигающую струю газа. Кожура отпаривается и отделяется от

клубня. Теперь картоновые цетки без труда сдерут с него лохмотья отпаренной кожуры. Пока еще нет такой машины для домашних хозяек. Но промышленный образец, позволивший за одну минуту очистить 270 килограммов картофеля, уже начал свою жизнь на Державинской плодосовхозной базе в Москве.

Как должно быть свиной?

Как должна быть свиной? Лежа, сидя или стоя? Оказывается, это не все равно. Специалисты экспериментальной сельскохозяйственной станции Калфорнийского университета (США), приподняв корпунку, заставили свиного есть стоя. Таким образом они добились увеличения веса самых лакомых кусков свиной — окоронной и филейной частей — на 5 процентов, не повышая при этом расхода кормов.

А. БЕРЛЯНТ
(географический факультет)

И. ВОЛГИН
(исторический факультет)

ПОЭЗИЯ И КАР

Н. ИВАННИ

(факультет журналистики)

Мы часто России твердим о любви
Стройкой скороселой — Я сын!
Люблю я дышащие парами топи
И звоны упругой коски!

Ну, что ж, это славно, что мы влюблены
В волшебные реки в синеглазые льды.
Но лучшие клатва — струящийся пот.
А смыслом России пускай извет.

Пускай друзьям не верится,
Что есть речонка Нерица,
Сия в тайге, как плагиад,
По перекатам пенится.

По тем краям таежным,
По той земле нехоженой
Ходят и осторожно,
Тревожный и восторженный.

Там километры под ноги,
Там тяжело работает,
Там даже дощад потная
По круш ушла в болота.

Мы шаям вдвоем с геологом,
Тындиям лодки воююком.
Ночь коротаал долую
Под полотноым пологом.

Курдидя напиромь,
Смотрели в ночь рассенно.
Читал он Маяковского,
А я ему Аесева.

И нас веда поэзия
По сонму и созвездиям,
Через завалы лезия
На горизонте лезие.

Веда всегда, как лужко,—
Не в службу, а по дружбе
В торах и в море ююком,
На Севере завязоюком.

Все дни мои прорезывай,
На разные пути маяя,
Неси маяя, поэзия,
Веда маяя!

А. БАЛАШОВ

(юридический факультет)

МАЛЬЧИШКИ

Мальчишки возвращаются поздно,
Самшом поздно для семивидати лет...
Видут сиреновые звезда,
Виноовато краснее рассвет.
Мальчишки умяются странно,
Почему-то забывают футбол.
«Что с тобой? — уаваляются мамы.—
Ты бы к врату пошел...»
Мальчишки становятся грустными,
Смотрят на стрелки часов
И, нагадив брочки до хруста,
Уходит с озакой претес...

И возвращаются поздно...

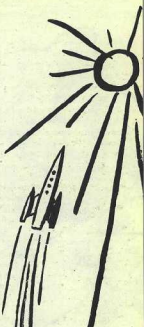
Играют девочки в любовь,
Скрывая стыд и страх.
Играют мальчишки в любовь
На клубных вечерах.
Но есть,

но есть еще игра —
Носетель, как степь.
В которую иград Икар.
Что солнца не достиг.
Богам был равен по уму
Его отец — Адаа.
Но крылья снял сюеому
Он восковие мал.
Зовет задумчивая вьсь
Непонозимую тайн.
Икар,

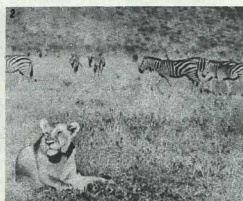
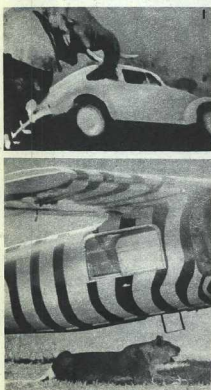
Икар,
поберегись,
И к солнцу не летай!
Ты не найдешь чего искад,
Ты встретишь в беду смерть.
И в море падает Икар,
Не в силах долететь.
А я не верю в хитрый миф,
Что греки напад.
Я уюкаю, что в этот миг
Икар летит к любви.
Я знаю,

я знаю это сам
И знаю за Другах:
Любовь дарует крылья нам
И подрезает их.
Она сжигает, не щадя,
Сладчайшая из кар.
И в море падает, горя,
Очередной Икар.

Но где-то
среди лесных полян,
Где травы ходит в рост,
В дупле
зашиштен и прян
Непалавнический воск.
К нему дойти ты должен сам,
Объежся удад пчел.
И всем на свете чудесам
Его б я предлоча.

ОБ ИНТЕРЕСНОМ

Немного Африки

Сейчас такие снимки, пожалуй, можно сделать только в западных странах. Африканская эксплуатация природных богатств Африки привлекла и тому, что на юге континента, например, уже почти нет крупных травоядных животных. Вдохновитесь тем самым. Большая редкостью, зебры-наги полностью истреблены. В погоне за дешевой слоновой костью и рогами носорога только в одной Нении ежегодно убивалось до пяти тысяч слонов и до тысячи носорогов.

Несмотря на то, что в сокращении и исчезновении фауны заинтересован весь мир, от рук американских и европейских богатых бездельников, вооруженных автоматическими ружьями с оптическим прицелом и недорогой стальной лицензией на охоту, гибнут тысячи других животных.

Мы публикуем несколько снимков, сделанных в национальном парке-заповеднике Нении.

1. Уж очень надо огорчить слона, чтобы это умное, доброе

животное пришло в такую ярость.

2. Львы не жадны. Ситые, они могут не принимать пищу почти две недели. Но это малая удивительная уверенность у зебр в том, что в любую минуту могут убить от противника. Они величественные мастера и на спринтерских и на стайерских дистанциях. Ни у кого под силу тягаться с ними.

3. Слова «заповедник» львы, конечно, не знают, как, впрочем, и слова «заповедник». Однако они давно сооробрани или почувствовали, что не так-то просто всланому да намному прийти и лаянуть в них из ружья. Особенно в некоторых местах. А потому с удовольствием перекочевывают туда. И даю, идя в ногу с ветром, используют современную технику по своему вкусу: этой львине фреселид самлетает служить отличные текстом.

4. И в Африке надо соблюдать правила «уличного» движения. Вот что натворил вышесказанный на большой скорости в «неполноценном» месте носорог.

Борис Краевский

Для меня вся эта история началась в тот день, когда мы с Рудольфом Апельбаумом сидели за столиком в кафе. Разговор шел о разном. Рудольф интересовался всем, аналогу називо удалялся, кое-что приводило его в откровенный восторг. Словом, он был хорошим парнем, это славный молодой архитектор из Завадской Германии.

Был жаркий день, из тех, что не часто встречаются в начале лета. Мы сидели возле окна, за которым шумела яркая и солнечная московская улица. И вдруг привычный уличный шум прорезал резкой сигнальной горни. Мимо окна неторопливо проплыла «Волга». Из ее окна струилась ясная полупрозрачная пленка. За «Волгой» потонули автобусы с флажками.

— Пioneры в лагерь попали, — объяснил я Рудольфу. — Он долго смотрел в окно, а потом сказал мне:

— А вы знаете, такое же пионерское знамя есть у нас в Федеративной республике, точнее, в Гамбурге. Мне рассказывал о нем один знакомый. Знамя принадлежит его старому приятелю по Восточному фронту, кажется, военному врачу.

Так я впервые услышал об этом знамени. Тогда я еще не знал, что разговор с Рудольфом станет началом интереснейших поисков и находок, что пройдет какое-то время, и я сам увижу это знамя, узнаю имена людей, которые держали его в руках. Тогда я просто попросил Рудольфа Апельбаума сообщить мне все, что он сумеет узнать об этой истории. Архитектор выполнил свое обещание. Через несколько месяцев я получил письмо:

«Его зовут Отто Хаммер, он бывший военный врач. Существуют две версии появления у него пионерского знамени. Но вторая, версичская, версича, как мне удалось узнать, — истинный блеф. И вот почему...»

«ГЕРОИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ»

Хаммер отлебнул большой глоток пива, поставил кружку на стол. Пиво было густым и горячим, настоящее гамбургское пиво. Он бросил взгляд на Эриха и прочел на его лице удовлетворенное.

— Немного же нам с тобой тепленького, старик, — с горькой усмешкой сказал Хаммер, и Эрих согласно закивал головой.

— Да-да, Отто, подумай только, до чего мы дожили. Я пью свое пиво, и я почти счастлива. И ты тоже. А ведь были времена, господин гауптман, ведь были времена...

Полузабытое обращение неприятно резануло слух. Оно напомнило о давно прошедших днях. Тогда его слушались, его боялись, перед ним были перспективы, и кани... А сейчас! Ко-му нужны сейчас бывший военный врач Отто Хаммер, инвалид с травмированными руками, который не может по-настоящему держать столовый

нож, не то что хирургический. Правда, он консультирует в больнице магистрата, но это дает мало, очень мало. Оборудовать свой кабинет и притягивать к нему не может: нужны деньги. Будь он членом какой-нибудь «солидного общества, скажем, «Объединения бывших офицеров или хотя бы «Товарищества кавалеров железного креста», все было бы проще. Но и креста у него нет тоже. На корничевой бархатной подушечке в шкафу боится скромная медаль: «За храбрость» и вторая — «за зимнюю кампанию 1941 года». Вот и все военные трофеи Хаммера. Если не считать того знамени...

Это было в самом начале Восточного похода. Его госпиталь стоял тогда в русском городе Орле. Как-то вечером пришел денщик и принес это знамя. Его нашли в сумке солдата, который умер накануне. Это известно, что это знамя солдат отнял у мальчишки в одном из городских предместий.

Знамя Хаммер оставил у себя. Какой-то местный житель сказал ему, что знамя ребячья, школьное. Следовательно, решил Хаммер, сдать его не обязательно. Так и пропущивалося оно по всем военным дорогам, пока не попало вместе со своим новым хозяином в Гамбург.

— Да, были времена, Эрих, — повторил Хаммер. — Часто они кажутся соном. Ты знаешь, иногда, чтобы поверить, что все это действительно было, я вынимаю свои медали и то знамя... Помнишь, я тебе рассказывал о нем? — Еще бы не помнить, Отто!. Кстати, ты что собираешься с ним делать? — Делать? Бог мой, а что можно делать с этой старой тряпкой? Она только в то и годна, чтобы вызвать иной раз воспоминания о старых добрых временах.

— Только ли! — задумчиво произнес Эрих.

Ирина О. ВУКОВОЛА

— Но на что же еще!

— А вот послушай! — Эрих продолжал, собираясь с мыслями. — Представь себе морозную зиму сорок третьего. Гауптман, начальник госпиталя, ведет по снежной русской дороге колонну госпитальных машин. Вдруг выстрелы. Из леса выбегают партизаны и бросаются к машине, чтобы взорвать их и растерзать наших несчастных раненых. Но гауптман храбр, решителен и спокоен. Он организует оборону. Рады нападующих редеют. Тогда он поднимает госпитальную команду в атаку на партизан. Те бегут. А храбрый гауптман преследует их и в свистке собственноручно убивает главаря партизан. Он берет в качестве трофея школьное красное знамя, которое партизаны использовали за неимением другого. Ты слышешь меня, Отто! Теперь представь себе, что я еще на фронте знал об этом, ведь мы воевали рядом! И сегодня встречаю случайно этого гауптмана, забытого героя. А завтра рассказываю о нем господину Бинке, председателю «Товарищества кавалеров железного креста». Он понимает, что такой подвиг достоин награды, он принимает бывшего гауптмана в члены общества, а тот, а свою очередь, преподносит обществу русское знамя, добытое в сражении. Все о чем ты пишешь на первой странице «Золдатец-цайтунга», гауптман становится членом общества. Ему предлагают высокооплачиваемую должность. А потом... а потом бывший гауптман помогает найти приличную роботу своему другу, который находится в весьма затруднительном положении. Ну, что ты на это скажешь, Отто! По-моему, отличная мысль!

Эрих потребовал объяснения по кружочку. Они вылились молча. Хаммер задумчиво постукивал кончиками пальцев по пластинковой крышке столика.

Письмо Апельбаума встревожило меня. Знамя в грязных руках. Его надо вырвать. Подумать только, что оно может стать предметом нечестной сделки! Но что можно предпринять? Идтисть самому Хаммеру! Его адрес Рудольф не прислал. Да и вряд ли мое письмо подействует на этого человека. Я попросил Апельбаума и в коем случае не выпускать знамени из поля зрения, а сам поехал в Орел на поиски настоящего хозяина знамени.

Понски, и сожалению, результатов не дали. Я побоялся во многих школах, но нигде не смог найти следов пионерского знамени, пропавшего двадцать лет назад. Тогда от имени «Смены я попросил самих пионеров заняться поисками. Ребята обещали помочь.

Шло время. Я с нетерпением ждал посылки по почте. Из Орла ничего не было. Но зато я получил желтый конверт с гамбургским штампелем. Рядом я писал:

«*Должен оговорить вас: я не смог выполнить просьбы. Знамя исчезло. Подробности этой истории я узнал только вчера и вот сразу пишу вам...*»

МЕЧТЫ, КОТОРЫМ НЕ СБЫТСЯ

— Врещи
— Стесное слово.
— Врещи!
— Бог мне свидетель. Сам читал объявление в витрине.
— Неужели даже больше?
— Даже овалчик. Помнишь, даже овалчик — и на месте!
— Здорово! Но где взять двадцать марок?
Курт пожал плечами. Двадцать марок — немалые деньги, и взять их действительно трудно. Но его было хорошо pistols. Длинностволый, с массивной белой рукояткой. На первый взгляд ни за что не подумаешь, что пневматический. И, главное, сила казалась за двадцать шагов можно убить большую собаку. Так прямо и написано на табличке, что лежит в витрине рядом с pistolsом.

— Но где их взять? — повторил Курт.

Он с тоской оглядел свою маленькую комнату. Будь у него хоть что-нибудь годное для продажи! Так нет ведь! Ничего! У отца просить бесполезно. Курт знает, что Хаммерстарший наввернка откажет. У него тоже нет денег. Что же придумать?

— Продавец сказал, что их мало. Только одну партию привезли из Штата. И раскупили быстро...

— Давай продадим твою велосипед! — сказал Курт.

— Что ты, что ты! — испугался Карл. — Меня отец за это знает как... Нет, это нельзя.

Отец — президентально противник Курт. — А еще будешь ссуду нужны храбрый солдат.

Последние слова Курт произнес с тем же выражением, с каким говорил их господин Лейер, руководитель молодежной организации. Он часто рассказывал своим питомцам о минувшей войне, о германских немецких солдат, о том, как они шли в бой за европейскую цивилизацию под развратными германскими знаменами...

— Поймай, Карл! — Мысли о Лейере, войне и развратных знаменах напоямили Курту кое-что интересное. — Ты не знаешь, согласишься ли ты-нибудь купить русское знамя? Настоящее красное знамя из России? За него обязательно должны дать двадцать марок.

Когда-то Курт видел это знамя у отца, но потом забыл о нем. А сейчас недавно, несколько дней назад, оно снова появилось на глаза.

...Через четверть часа Курт повернул ключ в двери, на которой тускло бликовала табличка «Доктор Отто Хаммер», и не торопясь зашел по лестнице вниз. А в подвале встретил отца.

— Куда? — бросил на ходу Хаммерстарший.

— Погуляй, — ответил Курт и вышел на улицу, радуясь своей предусмотрительности. Как хорошо, что ему пришлось в голову отправить Карла со светлым аподид! Иначе наверняка спросил бы, что он несет, и не известно, чем бы все это кончилось.

Курт ошибался. Сегодня Хаммерстарший вряд ли обратил бы внимание на сверток в руках сына. Говимое его было значаще другим. Он мысленно составил речь, которую проговорит сегодня перед господином Бенке. Нет, нет, конечно, он произнесет ее не сразу. Сначала он просто вручит Бенке знамя. Это будет достаточно скромничко. Потом его попросит рассказать о сватке с русскими партизанами, и он ответит, что это был обычный бой, каких немало выпало на долю каждого немецкого офицера. Бенке должен оценить его скромность. Ну, а потом, если кто-нибудь все-таки начнет настаивать, он расскажет... О, это будет яркий рассказ! Не забудет ни одного слова. Хаммер во всех подробностях переживает это воображаемое сражение.

Эрик зашел за Хаммером в поле и вынул из кармана маленькую записку. Он уже успев поздороваться. — Забирай свое сокровище, и пошли. Бенке ждет тебя в пять. Осталось совсем мало времени. А так как господина Бенке, не следует заставлять ждать.

Хаммер вынул портфель — не нести же свой «божий трофей» под мышкой и направился к секретеру Оттену крикнул, куда шелника клобучком, потянул нижний ящик... Знамени не было!

Хаммер бросился в комнату Курта. Оттуда послышался шум падающих книг, язык гонителей, ударяющихся одна о другую, треск разрушающейся материи. И только когда Хаммер вынул из кармана сына, Эрик понял, что «трофей» исчез.

В прихожей раздался звонок. Наверное, это Курт. Сейчас он выйдет со знаменом в руках, наверное, он вынул его из кармана. Но почему не идет домой. Конечно же, это Курт. Хаммер щелкнул замком. На пороге, занимая могучей фигурой все

дверной проем, стоял полицейский.

— Герт Отто Хаммер! Стало вас в известность, что ваш сын Курт Хаммер задержан и находится в полиции. Он обвиняется в хулиганском

А еще через несколько дней я наконец получил письмо из поселка Становой Колодезь, Орловской области. Писал мне заучу средней школы Петр Максимов Белохвост.

«*Во прошлые наши пионеры занялись поисками людей, которые могли бы вспомнить историю школьного знамени. Если бы Вы знали, с каким энтузиазмом являлся ребята за это дело! Они опросили десятки бывших учеников нашей школы, расспросили ее старшину. И никаких следов школьного знамени Колосовской школы знало теперь историю своего знамени, они знают, что был тот мальчик, который похитил ее спасти знамя...*»

В ПУСТОЙ ШКОЛЕ

Те трое далеко, разговаривают, сюда не смотрят. Ребята перебежали дорогу и коридору в распахнутую дверь.

Длинный коридор был пуст. Двери в классы открыты. Заглянули в свой 5-й «А». Молчаливые ряды парт, пыль, усталые жалкие куски тряпки. Поднялись на второй этаж. В комнате на полу — затоптанный ногой кусок зеленого знака, разбитая чарильница, треснутая рама от портрета, осколки стекла.

— Пошли в пионерскую, — сказал Генка.

Пионерская комната была в самом конце коридора. Дверь заперта. Ребята переглянулись.

— А если там знамя, горн, барабан? — сказал Володька. — Если вырвали мышь? Что же мы, немцам оставляем!

— Нельзз! — согласно кинул Генка. — Надо открыть.

Пришлось ломать замок. И когда он, сорванный, висел уже на одном из коридора. Дверь открылась, и наконец открылась и ребята вошли в комнату, первое, что они увидели, было знамя. Оно висело на стене, но в том самом месте, куда его всегда вешали после сбора. Рядом, на табличке, стоял барабан и горн, на этажерке — книги, а на столе лежал столбчатый альбом «История нашей школы». Кажется, только что вышла отсюда старшая вожатая и сейчас войдет и спросит: «А что вы здесь делаете? Не вожатая войти не могла. Идите вонте другие. Войти, сорвать это знамя с стены, топтать его ногой, выложить по земле под дружное гоготание».

Володька подошел к стене и снял записку. Вместе с ганкой они оторвали от дерева большое красное полотноце с золотыми буквами «Смена сме не идет». Потом Володька, сая, записку знамя за пазузу, а Генка помогал ему.

Ребята спустились вниз. Вот и коридор, а в конце его, как в раме, — кусок улицы с забором, с тем самым знаменем на стене и с пыльным горбонысом назад зидет в кустах Володька. Рядом, рукой подает. Помпунты! — и дома.

Ребята быстро прошли коридор. Володька с разгоне шагнул на порог, и толчас голова его уперлась во что-то мягкое. Вздрогнул от неожиданности, ошенил, вскинул голову и встретил глазами и застыл на месте горбонысом верзилы. Секунду Володька растерянно смотрел на него, потом метнулся в сторону. Но не успев сделать и несколько шагов, его ноги и плечи успели хватить воротник куртки.

— Халт! — Холодные глаза смют

рвали прямо в душу, а пальцы ошпы- лывали неадекватно раздражающую куртку. Володяна оглянулся, отшвы- рывая глазами друга, но тот уже удрал куда-то. А немец тем време- нем рвал не куртку, а пальцы.

— О, ротэ франэ,— удивился он.— Дас ист гут, дас ист эер гут.— Потом он болно такти пальцем в Володь- нину грудь.— Дуб биет большевик, дуб биет партизан.

К горбосомому подошли еще двое. Они что-то говорили, поглядывая на знамя, на Володю, на школу. Гор- босомый улыбался, кивнул головой, потом снова взял мальчишку за ши- ворот и повел к березе, что росла

Итак, хозяева знамени нашлись. Но исчезло само знамя. Напрасно искал в среди письма, что пригородил в редакцию, знаковый мальчик, конверт Альфонса Рудольфа молчал. Знаком, ничего нового он не знал. Неужели знамя попало в руки Бенке или к кому-нибудь еще по- добному? Что предпринять? Я рассказал историю знакомым всем своим друзьям и коллегам. Мы всечески пытались снова выйти на след. Но толь- ко бы казалась-нибудь зацепка. В письме Рудольфа не было ни слова, ни на то, что стало потом с Хальмой и его семнадцатилетним сыном. И вдруг звонок.

— Кажется, я нашел для тебя кое-что интересное. В «Дат Блинд- фюр» есть заметка о пионерском знамени. Не то ли это знамя, кото- рое ты ищешь?

Я тотчас отправился в библиотеку. И вот передо мной номер гам- бургской газеты «Дат Блиндфюр». Вписал название в строчку, читая. Оно! Конечно, это оно, знамя орловских ребят. Но что это!

«...газета не могла не сообщить своим чита- телям, что красное знамя— символ пролетар- ской солидарности— выставлено... «Дат Блиндфюр» уверена, что молодые читатели газеты примут участие в сборе средств...»

У Л И Ц А З В Е З Д Ы

Алтону—это не Гамбург. И хоть с обычного, ничем не примечатель- ного перекрестка, свернув направо, можно пойти по улице Гамбурга, а свернув налево,—по улице Алто- ны, все-таки это разные города.

Алтону приkommt непосред- ственно к Сан-Паули—заведению пор- тового района Гамбурга. Такую со- стова, естественно, оказалось на Алтону. Здесь живут дочери и мо- рьяки, рабочие рыбного порта и рыб- ного завода. Здесь нет свердловских ресторана и ультрасовременных концерт-хаузов, роскошных турист- ов и универмагов люкс-класса. Но это нисколько не умаляет достои- ности Алтоны. Даже набором. Во всяком случае, Гейц Хольман со- вершенно в этом убежден.

Гейц—фотографировать алтонской «Дат Блиндфюр». Он молод, как и все сотрудники этой независимой прогрессивной газеты. Как и у всех, у него никогда не бывает денег на

возле самого здания, рядом с водо- сточной трубой. Постовый Володю- ку шершавому белому стволу, отш- вел и асинулу винтовку.

Володя оцепенел. Он видел, как колыхался черный образ винтовоч- ной стволы, как заглядывает ему в глаза холодный глзб смертоносно- го оружия. В голове кружились об- рызки тысяч мыслей, но ни одну из них он не мог выловить. Он стоял, внешне спокойный, и смотрел на горбосомого, который, оставаясь, как на ученика, юго, неторопливо и тща- тельно отковыскав ленту, что проко- лота через штаны, вынул ее и выма- нокорченный мальчишеский лоб.

В то время как папаша Биллип со- зерцал все увеличивающуюся толпу, Гейц Хольман продолжал свой путь. Но он уже не шел, как прежде, прогуливаясь. Он почти бежал, при- держивая болтающийся на ремне футляр с аппаратурой...

— Не может быть, Гейц! Это, ве- роятно, подделка.— Эрнст Ауст пока- чивал головой.— Ну подумайте сами: откуда стерги Биллип мог взять на- стоящие советские знамя!

— Уверю вас, герр Ауст, оно на- стоящее. Достаточно взглянуть на него, чтобы понять это,—размаши- вая руками Хольман.—Подметте посмотри вместе, ведь это совсем рядом.

— Хорошо. Позовите Зигфрида. Когда Ауст, Хольман и Зигфрид Бер подошли к магазину Билли- па, возле витрины все еще стояли люди. Бер протолкался к самому стелу, долго разглядывая знамя, потом вернулся к своим товарищам и утвердительно кивнул головой.

— Гейц прав. Это настоящее зна- мя. Такие знамя имеют отряды со- ветской детской организации. Они называются пионерями, эти ребята.

— Его немедленно нужно копиро- вать!— сказал Хольман.— Мы не можем оста- вить в витрине пыльное красное

Я тут же отправил письмо в Алтону. Что стало со знаменем! Ответ от господина Эрнста Ауца, издателя и главного редактора «Дат Блинд- фюр», не заставил себя ждать. Я получил от него толстый пакет. Среди газетных вырезок, фотографий и других документов лежало письмо.

«Мы с удовольствием выполним Вашу просьбу и сообщаем подробности заинтересовавшей Вас истории. Что же касается людей, откликнувшихся на наш призыв, то их было очень много. Это докеры, рабочие, моряки...»

СЕРДЦА И МАРКИ ДРУЗЕЙ

Едва уши, покаж Хольману руку, докеры, как в дверь снова постука-

— Мы с верфью,—представились двое молодых ребят.—Принесли пят- надцать марок. Это от всей нашей бригады.

Потом еще и еще.

— От рыбаков... — От экипажа парохода «Вестфа- лия»...

— От профсоюзного комитета ра- бочих рыбного рынка... — От рабочих ресторанов верфей... — От шпорфов...

Они приходили под вечер, и на следующий день, и еще на следую- щий. В сейфе, возле которого сидел Биллип, росла толпа людей, в руках кредитных билетов, еще длиннее ста- новился список, что открыли те трое докеры.

Они приходили, оставляли деньги и уходили. Они не говорили громко- слов: эти смятые бумажки, зарабо- танные нелегким трудом, были силь- нее всяких речей, красноречивее лю- бых деклараций. Деньги, которые составляли «фонд красного знамени», означали, что кто-то откажется на время от своего утреннего кофе, кто отходит на месяц, или два по- купку новой рубашки или ботинков, кто-то с деланной вестью скажет девочке: «Не хочется в кино— дайвай просто прогулять». Среди де- тей, что принимали участие, было ни одной марки, которая была бы лишней.

К вечеру второго дня в «фонд» поступил крупный взнос—пятьдесят марок.

«Передано представителем Гам- бургского комитета организации «Мо-

такси. Да это и неважно. В конце концов по улицам Алтоны приятно пойтись пешком.

И что это Гейц, как обычно, вы- шел из дому рано. Неторопливо ша- гая вдоль фронта домов, он прохо- дил знакомыми улицами, поворачи- вал на знакомых перекрестках и пы- тался угадать куда сегодня пошлет его господин Ауст. Гейц знал, что Эрнст Ауст, издатель и главный ре- дактор «Дат Блиндфюр», имеет обык- новение с утра рассылать своим не- номногочисленным сотрудникам на за- дачу. Гейцуду обычно он вручает ли- сток с тремя или четырьмя адресами и коротко объясняет, что и как нуж- но сфотографировать. Куда же он пойдет сегодня!

Хольман миновал еще один пере- кресток и вышел на Штерн-штрассе- ской улице. Он знал, что там на- звали ее бульвар Звезд. Это была замая окупившая улица, каких много в Алтоне. Такие же дома, такие же лапочки, такая же чистота.

Но что это! Наматывая взгляд фо- тографера остановился на кучке людей возле витрины маленького ан- тикварного магазинчика. Они разгля- дывали что-то за широким стеклом, покачивая головами, обмениваясь репликами.

«Папаша Биллип придунал что-то новое,— решил Хольман.— Под- ходя к магазинчику.— Не так-то про- сто в наше время привлечь к своей витрине столько людей!» Он выткнул шило, чтобы позухе разглядеть выдуваюку находящего торговца, и застыл в изумлении. За зеркальным стеклом висело, отливая купачом и золотом шитья, красное знамя с словом и лентой. Вверху язы- чками пламени над аккуратно сложен- ными поленьями.

— Как записать вас друзья? Гейц склонился над листом бумаги.

— Очень просто—гамбургские докеры.

Эти трое парней были первыми. Они пришли в редакцию под вечер, устале. Спросили, кто собирает деньги на знамя, и вручили Холь- ману пятимаровую бумажку.

— Так и пишете: докеры,—под- твердил тот, что постылся.— А то за- путается кто-нибудь. Знаете, сколько наших еще придет! На приналах се- дят только и разговору, что о зна- мени.

лодень против атомной смерти» — заявила Гейнц Хольманн. Эти пятьдесят марок собрали молодые рабочие и служащие, студенты и учащиеся старших классов народных школ, члены различных юношеских групп и организаций.

— Еще совсем немного, и знамя будет у нас, — долгие Хольманн Эрнсту Аусту на исходе третьего дня.

Но издателя, казалось, эти слова не обрадовали. Он сидел мрачный и задумчивый. Гейнц встряхнулась:

— Кто-нибудь слышит? — Пока еще нет, — вздохнул издатель. — Но может случиться.

Сегодня «дворские», дежурившие у магазина, сообщили, что в магазин приходил какой-то американец, судя по всему, богатый турист, и подозрительно долго разглядывал знамя. Потом ушел, сказав, что обязательно зайдет завтра. Кто, если он задумал приобрести этот радостный сувенир?

— Пригласите ко мне всех сотрудников, Гейнц, — попросил Ауст.

Издатель знал, что все журналисты «Дат Блиндфюр» уже внесли свою долю в «фонд красного знамени», и понимал, что разговор будет неактивным. И, конечно же, не потому, что кто-то просто не захочет дать еще несколько марок. Их могло просто не быть. Когда все собрались, Ауст вынул из кармана пятимарковый билет, положил его на стол и начал:

— Друзья мои, дело обстоит так: знамя необходимо купить не позже завтрашнего утра. Не хватает совсем немного денег. Их нужно собрать немедленно.

Через полчаса Гейнц Хольманн и Эрнфрид Берг получили задание: как только папаша Биллип откроет свой магазинчик, положить ему на прилавок деньги — всю сумму сполна.

Позже «дворские» рассказывали, что они специально задержались возле магазинчика после покупки знамени. Сколо полудня они увидели того самого американца. Он подошел на большой черной машине. Ребята вошли вместе с ним и слышали, как Биллип, разводя руками, отвел его:

— Вестле сомалею, но знамя уже продано. Его купили журналисты. Нет, нет, вряд ли вы сможете найти другое.

Красное знамя уже лежало в кабинете Эрнста Ауста, а в редакции продолжали приходить люди.

— От рыбачков... — От рабочих... — От профсоюзного комитета...

Узнав, что знамя уже куплено, они искренне радовались и вместе с тем горючили: «Неужели мы напрасно собрались? А один довер предположил:

— Возьмите эти деньги и пошлите молодежную делегацию в Бонн. Пусть они лично передадут знамя работникам советского посольства.

Издатель «Дат Блиндфюр» эта мысль понравилась. О том, как она была осуществлена, газета рассказывала через несколько дней самым читателям. Вот что писала «Дат Блиндфюр»:

«На днях делегация молодежи Гамбурга по поручению своих товарищей вручила советскому послу в Бонна писемное знамя в подарок от делегации его соответствующей пионерской организации в Советском Союзе. Этот акт наша молодежь снова знала русскому народу, советской молодежи, как велико ее стремление жить в мире и дружбе с Советским Союзом.

Вместе со знаменем молодые гам-

Ein Brief aus Moskau erreicht «Dat Blinkfюр»

Was sich unsere Leserschaft an diesem Vormittag, wurde Anfang des Jahres der 25. Jahrestag der Organisation der Hamburger Jugendlichen der sozialistischen Front, die ein solches als ihr Blau-Flagge zu einem Akt von Widerstand und Kampf gegen die Herrschaft der Bourgeoisie und der imperialistischen Weltmacht, die die Welt in der so genannten Jugend wieder zerstört hat. Dieser Brief ist ein Aufruf an die Leserinnen und Leser der Zeitung, die den Kampf gegen die imperialistische Weltmacht zu unterstützen und die Welt in der so genannten Jugend wieder zu einem Akt von Widerstand und Kampf gegen die Herrschaft der Bourgeoisie und der imperialistischen Weltmacht zu unterstützen.

Die Redaktion der Zeitung «Dat Blinkfюр» in Hamburg, die den Kampf gegen die imperialistische Weltmacht zu unterstützen und die Welt in der so genannten Jugend wieder zu einem Akt von Widerstand und Kampf gegen die Herrschaft der Bourgeoisie und der imperialistischen Weltmacht zu unterstützen.

Die Redaktion der Zeitung «Dat Blinkfюр» in Hamburg, die den Kampf gegen die imperialistische Weltmacht zu unterstützen und die Welt in der so genannten Jugend wieder zu einem Akt von Widerstand und Kampf gegen die Herrschaft der Bourgeoisie und der imperialistischen Weltmacht zu unterstützen.

Делегация гамбургской молодежи привезла знамя в советское посольство в Бонне.

«Дат Блиндфюр» напечатала благодарственное письмо из Москвы.

Магазинчик папаша Биллипа на улице Звезды. В этот витрина было выставлено знамя орденов пионеров.

бургцы передали письмо, адресованное советской молодежи.

«Пусть это знамя, — писали они, — будет символом прочной дружбы между советской и немецкой молодежью. Подписавшие это письмо никогда не допустят, чтобы их заставили взять в руки оружие и обратиться его против советского народа. Они приложат все силы к тому, чтобы помешать возрождению германского милитаризма и одержать победу над врагами народа.»

А через месяц после этого «Дат Блиндфюр» снова напомнила своим читателям о знамени. Она напечатала письмо, которое пришло в Гамбург из Москвы от секретаря Центрального Комитета ВЛКСМ Л. Баласова.

Мы глубоко тронуты тем, писала Л. Баласова, что благодаря инициативе и находчивости молодежи Гамбурга в Советский Союз возвращено пионерское знамя, украденное гитлеровскими солдатами в Ор-

ла. Возращение этого знамени и письмо укрепил нас в уверенности, что прогрессивная молодежь Западной Германии стремится жить в дружбе с молодежью Советского Союза.

Вот и вся история, о которой мне хотелось рассказать. Осталось добавить лишь несколько слов.

Я не знаю дальнейшей судьбы Отто Хаммера и его сына. Признаться, они мало интересуют меня. Папаша Биллип, видимо, по-прежнему открывает по утрам свой магазин. А что Эрнст Ауст и его сотрудники продолжают выпускать свою интересную газету, это я знаю точно. Эти строчки, наверное, прочтет и Володя Вернижков, тот самый парень, который осенью 1941 года попытался спасти свое знамя. Правда, сейчас его зовут уже Владимиром Андреевичем. Он по-прежнему живет в Становом Колодезе, работает штукатуром. В тот день его сплела от расправы простая случайность.

И, конечно же, мне известно, где находится знамя сегодня. Теперь оно — принадлежало знамя орловской пионерки. Многие дружины боролись за право назвать его своим. Сейчас оно хранится у пионеров школы № 6 города Орла. Пройдет время, и оно, может статься, перейдет в другие руки. Но кто бы ни держал его древно, кто бы ни получил право пронести его в дни торжественных сборов вдоль затихших пионерских рядов, пусть помнят — это необычное знамя.

Виктор ЛУНДЕН

Фото
Г. ТЕР-ОВАНЕСОВА

Искусство и жизнь. Какими сложными и непохожими путями претворяются жизненные наблюдения в произведения искусства!

Бышлый революционный матрос, бывший пулеметчик легендарной Первой Конной Всевола, Вышинский писал: «В «Огненных верстах» большой кусок моей жизни. И еще: «Литературное осуществление этой темы было начато примерно в 19-м году. Постепенно шло за шагом материал оттаивался. И, наконец, в 1932 году: «Однадцатого мая уже был план: трехактная пьеса, уже появляясь первая тема — «Маленькая женщина»».

Кинорежиссер Самсон Самсонов, знакомый нам по фильмам «Попрыгунья», «Огненные версты», «Ревенский век», вместе с славой драматурга Софьи Ксеньевны Вишневецкой взяла на себя труд столь же благодарный, сколь и рискованный — дать новую жизнь классическому произведению советской драматургии. О достоинствах и отдельных упущениях этой постановки уже достаточно писала (и еще будет писать) наша пресса. Специальный приз Киевского фестиваля говорит о международном признании фильма.

И успех этой значительной степени обусловлен блестящим исполнением центральной роли молодой киноактрисой Маргаритой Володиной.

Маленькая женщина — центральная фигура эпоса. Сказать, Комиссара, запомнить дыхание, пульсом жизни такой совершенный драматический образ не только почетная задача, но и сложный экзекман на актерскую зрелость.

Родилась Маргарита двадцать пять лет назад в Ленинграде. Четыре года училась в хореографическом училище, которое из-за болезни пришлось оставить. Долгие годы не могла слушать музыку: вспоминала занатую светом сцену, запах декораций... Потом Москва, нелегкая студия при Художественном театре. Снималась (до «Огненных верств») в трех фильмах: «Огненные версты», «Ревенский век»,

«Две жизни». Но ни одна из этих ролей не дала ей глубокого творческого удовлетворения.

После училца Маргарита Володина работала в Центральном театре Советской Армии. В «Небесном сочинении» играла восемнадцатилетнюю летчицу в женского полка — девочку прелестную, смелую, одухотворенную. На репетиции приходили Марина Чечнева и другие героини-летчицы. Рассказывали о войне как о скромном и необходимом труде, о хладнокровном презрении опасности. Маленькие жизненные эпизоды давали ключ к образу.

С таким творческим блазгом пришла Маргарита к работе над образом Комиссара. Комиссар — это настолько ярко выраженое существо героини, что стало ее собственным именем. Роль немолословная. Характер написан чистыми, тяготеющими к плакату тонами. Отброшено все малозначительное. Оставлен только ряд острейших столкновений. Действие развивается на военном фронте и в походе — обстановке, не очень-то благоприятной для проявления женственности. Каждая куртка, как плащир, закрывает душу Комиссара, ее внутренний мир. Остается лишь глаза — острые, пронзительные, не умеющие лгать, притворяться.

Для создания полнокровного образа необходимо знать предысторию героини, ее сословную принадлежность. В драматургическом материале эти сведения разбросаны буквально по крупицам. Маргарита продолжает поиски в архивах, письмах, дневниках писателя. Неожиданно находит модель, с которой писался Комиссар. Их оказалось несколько — это старые революционеры Евгений Бощ, Островская, Лариса Рейзер, Земачика...

Евгений Бощ под Харьковом останавливал зенитки матросов-анархистов. «Она всегда, — пишет Вишневецкий, — чрезвычайно возбуждена. Подумала, куда, револювер и сказала: «Пожаруй-ста, дайте назад, я вас очень прошу об этом». Анархисты совершенно «опутали». Она сама их повела назад».

Или Лариса Рейзер. «Петербургская культура, ум, красота, грация. Человек, который пришел во флот и как-то сумел подвигнуть реакционную трунду офицерства. Когда она пришла к нам, к матросам, мы ей сразу устроили проверку: посадили на моторный катер-истребитель и поперли под пулемитно-снайперскую батарею чехов. Двем полым ход, истребитель идет, мы наблюдаем за «бабой». Она сидит. Даем поворот. Она: «Почему

поворачиваете? Рано, надо еще вперед». Человек показал знание, силу. Мы сначала не верили: «Приехала такая, подумаешь!» Она никогда не подальваалась, одевалась хорошо, манеры были хорошие, этика петербургских интеллигентных эстетствующих. Из профессорской семьи. Пьеса писалась, печаталась в «Шпозиннике... В ок-

тябрьские дни пришла в Смольный. Очень активная, очень напряженная, выносливая и очень простая».

Как когда-то в театре помогло общение с живыми героинями-летчицами, так теперь заговорили листы воспоминаний, дали новые материалы для лепки образа.

Комиссар Володина побеждает и в

только преустремленностью, силой, непререкаемостью. Большевистских идей, но и в не меньшей степени обаянием, любовью к людям, женственностью. Она заставляет полюбить себя и звать побеждать.

Перед нами все время молодая, красивая, податливая женщина. Но как аскетически сдержаны, буквально выжигаются чувства Комиссара.

А глаза Володиной! Особенно в сцене осуждения Возжака. Безмолвная Дуэль взглядов. Камера судорожно передвигается от одного лица к другому. Судорожно мечется матросская мысль: с кем? Возжак уже расстрелян взглядом Комиссара, поэтому следующий затем настоящий выстрел и гулко падающее тело вымывает не выражаемое сухого протокола.

Валентино проводит Володина сцену с Алексеем — одну из самых значительных в большевистской периодике матроса. В шпекте это зовка на задумчивую беседу — один на один.

Режиссер фильма смело вынес этот интимный разговор в матросскую толпу, предавая актрису дополнительные требования. Почти тот же текст, местами исполненный злой иронии, надо было провозвести с безынициальным тактом, чтобы не утратить перед всем полком «исключительную личность» — одного из самых ярких и самолюбивых матросов отряда. С другой стороны, используя новую обстановку, Комиссар получает возможность обратиться партийное слово не только к Алексею, но и к остальным матросам.

В этом эпизоде Комиссар впервые выводит воедино сочувствие полка, и ироничная улыбка озаряет ее прекрасное лицо.

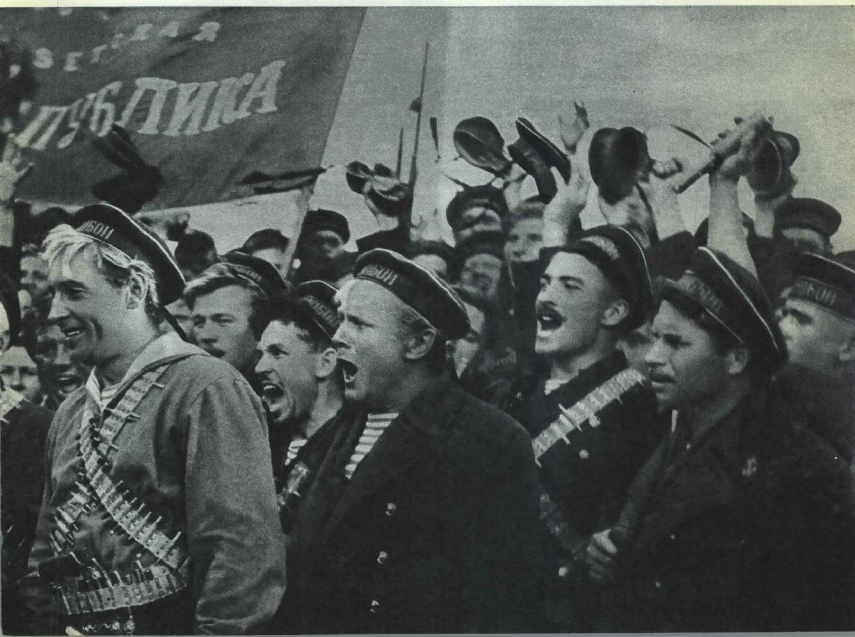
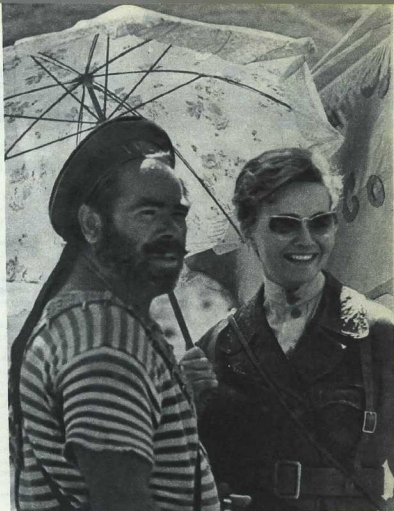
Или звучащие как гимн революционной солидарности длинные переходы отряда по бескрайним просторам южных степей. Удаляя матросская волынка, стеменированная и направлена партией. И неизменно вперед толпы, истинный возжак — посланец партии. Здесь Володина — безмолвная солистка поистине классического безмолвного матросского марша. Эти кадры забыть нельзя.

По словам актрисы, Комиссар — первый образ, который настолько вызвоновал, захватил ее, что волея в плоть и кровь. И она уже никогда с ним не расстанется, веря трагическую жизнь свою «то Комиссару».

И не только актриса. Искусство и жизнь здесь неразделимы: для современной советской молодежи светлым, преустремленным образ Комиссара — норма героизма.

В перерыве между съемками «Комиссар» и «анархист» жарко.

Слева сверху и внизу кадры из фильма.

Валерия ГОРДЕЕВА

Иногда у нее веселее даже без улыбки... Все в этом лице дышит искренностию, все молодо, свежо, солнечно.

Так писал о Нине Глазуновой ленинградский журналист А. Саваров.

Я увидела совсем другую Нину: растерянный взгляд золотистых глаз, нервно вздрагивающие, неублаженные губы.

Что же произошло за четыре года, отдаляющие нашу встречу от очерка, опубликованного в сборнике «Развеечки будущего?»

Если сказать в двух словах... Впрочем, начну в двух! Может быть, стоит поговорить об этом со всей откровенностью и нелицеприятностью?

...Сначала обрушилась, как лавина. О переломе на Ленинградском швейной фабрике имени Володарского бригаде коммунистического труда, душой которой была Нина Глазунова, сначала писали в местных газетах. Потом рожали увесочек ее на кинолентах.

Смущенные девушки пытались не обращать на все это внимания и работать, выигрывая протестовать. Но не тут-то было! Сядьте сюда, посмотрите, как глотается такс... И пошло и пошло. Бригада за работой, бригада на «середине», бригада в Доме комсомола...

Едва ушли кинематографисты, как двелет снова агитовали журналисты: готовился сборник о ленинградских коллективах коммунистического труда. Так появился очерк А. Саварова «Нина Глазунова и другие».

Но и этого показалось мало. Местные скауты раздумали осознать потюмаком двадцатидеят бистов лучших из лучших.

А Нина засыпала на свансах. Открыть глаза, она вздрагивала, краснела. Отец любил на веревке. Мать, молодой женщиной, увлеченно работавшей резцом. Но что поделати! Отчим, дядя Ваня, как всегда, отмечал аванс, опять все ночь не было покоя... Сегодня надо еще успеть на занятия. Времени что-то совсем нет. Даже фильм о бригаде не посмотрела.

Как часто теперь вспоминала Нина то время, когда не было всей этой шумихи!

...Она приехала в Ленинград пятнадцатилетней девочкой. За плечами, кроме двух кошечек, всего семь классов. Отец любил идти работать, погоревая и победоуа с двумя дочерьми, снова вставала замуж. Дядя Ваня привез их к себе.

Прошло нелюбо время, и Нина поняла, что учиться дальше не сможет — нужно было идти работать! Отчим пил, куролесил, денег в дом не приносил. А Вая, сестренка, еще моложе...

Долго ломала голову Марфа Григорьевна, куда бы пристроить детей: город ведь незнакомый. Спасибо, соседка подсказала, что при швейной фабрике имени Володарского, где она работала, оборудован ФЗУ. Дети погубных фронтовиков берут на полное обеспечение.

Лучшего и не придумавшей в их положении. А Нина с детства ловкая, шноривстая. Шитье должно у нее пойти.

Проделает полтора года. И вот Нина — уже швей-моториста седьмого разряда, тогда как самым распространенным для выпускников ФЗУ был пятый, а самым высоким для работниц — восьмой. Видно, имела эта девушка какой-то особый талант, что не поспешила на оценку выпускника комиссии.

На фабрике, в цехе, Глазуновой доверяли самую ответственную и кропотливую операцию — кармачки пальто. Вечерашня ученица сидела «на первой руке», и от нее начинался весь швейный процесс.

Но давнее это показало мало. Есть такой вид работы — «запуск». У человека, который занимается ею, должен быть очень наметанный глаз, особое чутье. Он обязан проверить все детали пальто, поступающие из закрытого цеха, подобрать их по цвету, по размерам, сделать в нужных местах надсечки, «отметить». Чуть задержись — и стоит производство, и не выполняется план, и бьет это твоих подружек по карману. Немногие хорошо справились с этой работой. А у Нины все шло как по маслу.

Если заболел кто-нибудь из девушек, заменить никому у каждой свой участок, да и очень немногие знали то, что делает соседка. А Глазунова, потихоньку присматриваясь и тренируясь, завадала поступательно во всем операциями. Так она стала крестером — человеком необходимым и в какой-то мере незаменимым.

Учась вечерами, Нина кончила делить, заменить кому-то стоюга, знает, покажу, но одна. Ведь дома не только почитать — выслушать как следует нельзя. И девушка старалась поменьше бывать у себя — занималась или в фабричном клубе, или прямо в цехе, когда до, когда после работы.

И все-таки, с таким трудом получила аттестат зрелости, Нина не уюгомилась: поступила в Высшую школу профобразования. На ней подружкили. Ее отговаривали. Ей удивлялись. Ведь она не только работала и училась, но еще и постоянно занималась общественными делами. Комсорг цеха, член фабричного комитета комсомола, член правления клуба, член культурно-массовой комиссии Октябрьского района комсомола.

Все фабричные знали эту хорошилку, шустрю, веселую выдумщицу. Она была заводилой и инициатором, задвигами «жрочками», которые все время на что-то поднимали людей.

С самыми трудными вопросами шла и Нина: «Глазунова образованная, она разберется...», «Глазунова умная, она посоветует...».

Вся бригада, даже работала Нина, за исполнением нескольких человек, состояла из выпускников ФЗУ. Трудолюбивые, скромные, с изуваченным войной детством, девушки были теперь опорой семьи. За исполнением «Машин-пчелки», План они перевыполняли просто и

незаметно. Все учились — кто в школе, кто на курсах. Друг за друга стояли, кто на кого.

Позтому, когда комсомольцы Москвы-Сортировочной выступили со своим починком, естественно, что эта лучшая на фабрике бригада сразу же включилась в соревнование. Вскоре ей, первой на предпринятии и одной из шести в городе, было присвоено звание коллектива коммунистического труда.

Разве думали тогда незаметные «Машин-пчелки», что с того торжественного дня жизнь их так резко изменится!

Стыдно было девушкам перед товарищами по цеху. Те сначала с любопытством смотрели на всю эту суету. Потом при виде очередного фотокорреспондента или журналиста начинали «вздыхать»: «Опять сниматься пошли! А когда работать будете? Вы же бригада комтруда!»

«Вы же бригада комтруда!» Все чаще слышали девушки эту фразу. По-настоящему ее проносили; и с уважением, и с иронией, и с укором. А еще говорили: «Почему не растет процент? Почему давали сто двадцать, а теперь только сто?»

И никто не хотел слушать, что раньше ту же работу выполняли за восемь часов, а теперь за семь. Что многие девушки повыводили замуж и отправлялись из декрета, а подружки должны были выполнять за них работу: план-то дается на бригаду. Что учащимся предоставили свободный день в неделю, и таким образом, каждый раз кто-нибудь из девушек, на законном основании не выходя из работы.

И все-таки, когда нужно было послать кого-то на Первое Всесоюзное совещание ударников коммунистического труда, послали члена этой бригады Нину Глазунову.

Сборы были недолги. Самое трудное заключалось в том, что Нине нужно было сделать свою работу за все дни, которые она проведет на совещании: не хотелось подводить двадцать.

И вот лучшая швей-мотористка Ленинграда заседает в Кремлевском дворце, а потом Семен Михайлович Буденный вручает ей медаль «За трудовое отличие».

Славя Нину Глазуновой ее поругатели границы Ленинграда. Берют и печатают центральные газеты и журналы. Нина становится известна не только по всей стране, но и за рубежом.

Нет, она не зазналась. Приехав домой, все с такой же любовью шла дальше, так же занималась общественной работой, с привиком, упорством, одолевая науки, даже успевала отвечать на некоторые письма из тех, что папками стали приходить на ее имя. Разные это были письма. Швей из Вятки просила рассказать о том, как Нина добилась таких успехов.

Группа геологов из Сибири просвядила девушку и рассказывала о своей работе, о доблести и мужестве солиненского Горня, по имени Робинзон Матвеевич, предлагая ей руку и сердце.

ВРЕМЯ ИЗВЕСТНОСТИ

«МАШИ-ПЧЕЛКИ» ПОКИДАЮТ УЛЕЙ...

«ПЕРВАЯ РУКА» ИЛИ НАКЛАДНОЙ РАСХОД?

ОНА ВЕДЕТ НИЧЕГО НЕ ПРОСИЛА!

И ВСЕ ТАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Вскоре Глазуновой присуждается первое почетное звание «Мастер — золотые руки. Ниной гордится начальство. Ее имя без конца вспоминается.

Бригада, где работала Глазунова, по-прежнему считалась лучшей, но это уже скорей по инерции. От старого состава, который действительно заслужил звание коллектива коммунистического труда, осталось всего несколько человек. «Машинчики разлетались...»

Почему? Причины разные. Но главным было то, что, криво скривая: «Вдв же бригада конструды!» — девушка мало что слышела на фабрике, как называли ее подруги. Ушла Валя Андрикина. Ушла Луса Воронова.

Их место заняли новые. Среди них оказались и такие, которым было непевать и на труд и на бригаду, но служба почетное звание. Его всегда друзья добывали! «Мне бы на карпоз зарабатывать, и хванти!» — говорила одна. «Счень надо выкалывать! От работ и лошади дохнут!» — подвывала другая. Действительно, хот бы добраться до участка Глазуновой! — резюмировала третья.

Года полтора назад Нина впервые раз почувствовала себя плохо. Прямо с фабрики увезли ее в садчиковым приютом — в больницу. Пролежала она там около месяца. Вышла на работу как будто окрепшая, но вскоре снова оказалась в плену у медиков. Врачи признали ее больную. Была очень хорошо. И вдруг — снова приступ, снова больница. Еще месяца три после выхода на работу Нина криво-Имтрина оказалась заочницей учебу. Но в минувшем феврале, как раз во время государственных экзаменов, ее снова на «Скорой помощи» отравили в больницу.

Нина всячески скрывает экзамены и получила диплом с отличием. Но с фабрикой она решила уйти: ей было неудобно перед девушками. Она често болевает, а те должны выполнять ее работу. К тому же никак не выходя из головы фраза, сказанная бригадиром Александрой Ивановой Эрмель после одного из приступов:

«Нина в душе старалась оправдать Александру Ивановну: спорная, наверное, сказала. Также несладкая должность — бригадир. Все претензии рабочим — и ей. Не пойдут ведь к больному начальству! И все-таки не могла забыть.

Когда Нина угодила, директор, Мария Дмитриевна Толчанова, показала работу.

«Поправится — возвращаться к нам. Мы для вас работу всегда найдем...»

Да, работа да Нину Глазуновой на фабрике всегда находилась. Такую мастерскую поискать не найдется только работа. Больше ничего.

Вы думаете, когда девушка заболела, у руководства прорезались чувствительность и милосердие? Нет, нет! Ниного подобного.

Несколько раз Нина лежала в больнице, но ниного, кроме полужирек, яиц и навески фруктовых консервов особая диета, фрукты. Но у дирекции

и общественных организаций не производится никаких подарков, который больше десяти лет находится на предприятии. Глазуновой требовалось путевка в санаторий. Но никому и в голову не пришла такая мысль.

— Она ведь не заваяла! Она ведь ничего не просила! — удивленно сказала мне Мария Дмитриевна. Да, Нина Глазунова и знавала, что она себя плохо чувствует. Что она устала. Что ей необходимо санаторное лечение. Не такой она человек, чтобы просить или жаловаться. Она ведь и в радиопро по писала. Мы обо всем этом узнали случайно. Но о том, что Нина болела, на фабрике было известно.

Вторая фраза, которую сказала мне Мария Дмитриевна, выглядела приблизительно так:

— Глазунова! А она у нас не работает. Ваду болевати ушла... Закончился тут самый профсоюзный. Да, много лет проработала, да, стоит у нас на партах...»

Буквально то же самое услышала я от председателя фабрики Антонины Тимофеевны Ивановой, когда-то дружившая с Ниной в одном классе и хорошо ее знавшей. Фраза начиналась с тех же последних слов: «Закончился тут самый профсоюзный...»

Но вот как через несколько минут после нашего разговора звучало обращение директора к председателю фабрики:

— Надо попросить Глазунову. Путевку там или что... Она имеет заслуги перед фабрикой... Как, оказывается, все просто! Да ведь наверняка были эти люди со своим знакомым!

История Нины Глазуновой, к сожалению, далеко не единичная на фабрике.

Вместе с Ниной училась в ФЭУ, а потом работала Лина С. Она окончила десятилетку, много читала, любила и работала занятием. Кроме того, это был очень отзывчивый и добрый человек. Кому-то помочь — слышит Лина. Кого-то навестить — идет Лина. И все по собственной инициативе. В больницу к Нине тоже приходила Лина.

И вдруг выясняется, что эта девушка, одна из лучших работниц бригады конструды, умный и разносторонний человек — один самых битников.

Руководство сватило за голову, девушку начали срочно переманывать, «уделять ей внимание». Пытались ей говорить и Нина. Но все млягало перебыла: «Ей надо маму и гудирую. Это все слало. Когда я буду убеждена в том, о чем все мне трунеку, я сама уйду отсюда. Как сама пришла, так сама и уйду...»

Разве это еще раз не подтверждает, что сердцами людскими на фабрике не интересуется! Давая план! Давая процент! Ведь себя прилично в быту (хотя бы внешне) и все будет в порядке. А до остального нет дела.

Так и ушла Лина. Но не из секты, а с предостережением. Ушла замученная разными беседами, но не убежденная, со стандартным напутствием директора: «Приходите, работу для вас всегда найдется!»

Была в этой бригаде еще одна де-

вушка, Тамара Подгору, робкая, неуверенная во всем, сомневавшаяся. Однако само логично, притом немалую, и завоевание бригадой почетного звания вложила. И вдруг совершенно неожиданно из этой крепкой и цветущей девушки обмученными запущенным туберкулез легким. Целый год лежала Тамара в больнице. И оплыва-таки ниного, кроме товарищей по бригаде, не сохранила ее участь. Когда Тамара поправилась, она сразу же ушла с фабрики.

А Веря Козлова! Мачеха постоянно «визвала» ее. Отвела у двери так же заговорит, что и для собачки не стоился бы. В комнату без спроса войти не разрешила. Несколько раз, спавшись от побоев, девушка выбегала излучку. Обмучившись, ее буквально вытаскивали из-под таранца. Надо было срочно найти Верю жилье.

Но руководство фабрики ничем не помогло Козловой. Только тогда, когда возмущенная бригада начала сама действовать и заручилась поддержкой работников обкома комсомола, удалось «пробить» Верю комнату. Вот уже несколько месяцев Нина Глазунова не работает. Со здоровьем невнятно. Нужно серьезно лечиться. Был период, когда она сама думом. Однообразие, низкая зарплата, не поднимает настроения. А потом приободрилась. Причина? Трудно сказать. То ли большое чувство, что пришло к ней недавно. Этот славный долг-завяз парвин — Алики — любит ее со всеми переживаниями и недогадками. То ли натура уже такая у нее — кряклякая и чельная.

Вот уже несколько месяцев Нина не нашла себе занятие — шество на Женей П. с той же фабрикой, недавно окончившей ФЭУ (Только не подумайте, что нагугали! Это я просто так, сама...). Училась Женя не хотала — начинала и бросала. Стала увлекаться вечерами. Она хотела основательно ввязаться за нее, что Женя, а то действительности, ну никак. Углубилась, стала хорошо работать, а главное, очень привязалась к своему добровольному шуву.

Я случайно слышала начало их разговора.

— Ты знаешь, Лина, у меня сейчас столько воли! Столько воли! Ни одного занятия не пропускаю. Поняла, что это действительно нужно.

Нина и Алики любят рассказывать о своих заслугах, тем более хвалятся на праздники. Но в все-таки заставляла ее показать мне ту красную корбочку. Взяла для меня модель, полученная из рук старейшего маршала. Тут же на кусочек синего полотна приколоты два значка «Отличник социалистического соревнования, значок Ударника Всесоюзного совещания ударников коммунистического труда», «Трудовым успехам слава», «Молодому передовику — производству» — ЦК ВЛКСМ, значок лауреата Ленинградского фестиваля 1957 года.

О чем-то задумавшись, Нина смотрит на свои «звездочки». Они невзрачно вышито на вышивке, значки — вышиты из ткани, колечки, неважно!

Молчим. И вдруг Нина смущается: — Смешно, наверное, но я все это берю. Вам ведь это кажется странным... Нет, мне это не кажется странным.

Все, что хранится в красной корбочке, заслужено.

Страным, больше того, нетерпимым кажется мне другое...

Что проглядывала девушка. Работающего, умного, душевного, всю жизнь не жалевшего для других своего умения и своего сердца. Не рассчитывавшего при этом ни на благодарности, ни на какую-то особую отдачу. Делавшего все тихо и быстро.

Нину Глазунову забыли в Октябрьском райком комсомола, где она много лет примером одной из лучших активисток Нину Глазунову забыли в горке комсомола, хотя она долгие времена была гордостью Ленинграда.

И человек новый... внимательно выслушав мой рассказ о Нине, сказал первый секретарь горкома Борис Усанов: — Естественно, что я о ней ничего не знаю...

Но разве это естественно? Разве правильно, что со сменой комсомольского руководства буквально исчезают люди, которые еще совсем недавно были примером для других, с которых еще недавно призвали «делать жизнь»? Разве правильно, что уходят из поля зрения настоящие передовики, гордость комсомола!

Да, есть еще нас девятая, которая за значками, грамотами, речами и мероприятиями, за процентами и планами забывают о главном положении нашего народного коллектива: все — человеку, все — для человека, которые искажают сама суть коммунистического труда, ставя во главу угла лишь одно — повышение производительности любой ценой, которые относятся к ударникам коммунистического труда потребительски.

То, о чем здесь рассказано, не типично для нашей страны. Но даже с одиночными явлениями подобного рода нужно вести непримиримую борьбу. Не болельщик недостатков, а участник человеческости. Нет большего преступления, чем пренебрежение к людям.

Недавно, выступая на юньском пленуме ЦК КПС, секретарь Ленинградского Комитета партии Л. Ф. Ильичев подчеркнул:

«Ков-то до сих пор с трудом выговаривает слово «идеологией», зато легко употребляет такие выражения: «платье любой ценой», «не до морали, раз речь идет о плане». Своим образом действий они часто сводят на нет плодотворную воспитательную работу...»

...Раз и навсегда надо понять, что самый надежный путь к успешному выполнению плана — секретарь — сорудно поставленная в коллективе воспитанная людей, живое общение с ними, душевная работа о них, это — путь к сердцу, к сознанию человека!

Борьба не безразлична, какой именно ценой выполняется план. Ведь неплохо организовать производство может и капиталист. От советского человека требуются заботы — сорудно больше — выполняя план, а ходе борьбы за выполнение и перевыполнение плана воспитывать людей, формировать новые отношения между людьми.

г. Ленинград.

ВСТРЕЧА С НИМИ МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

«МУСКУЛИСТЫ ПРИЯТНЫЙ СИЛАЧ»

«Я поклонник и любитель всякого вида спорта».

А. И. Куприн.

Да, именно так: мускулистый, приятный... силач... — именно так выразил свое первое впечатление о Куприне П. И. Тютчев, познакомившись с ним в 1902 году. Замечное физическое развитие, стройность сложен и легкость движения явились результатом постоянных занятий писателя разнообразными видами спорта. «Я могу работать, — так думать», — писал Куприн Ф. Ватюшкову, — только на ходу». «Изнач только в движении», — говорил он словесан одного из своих друзей.

Куприн от природы был наделен недюжинной силой. Еще в детстве он полюбил спорт, и первой искрой, вспыхнувшей интерес и ману, было знакомство с клоуном Анатолем Дуровым. «Он вертелся клоуном, ходил на руках... знаю я благоговей перед ним», — вспоминал Куприн.

Преимущество «Большого Фонтана», в Одессе, свело Куприна с самым популярным в то время десертисом — Сергеем Уточинным, одним из первых авиаторов в России и велосипедистом, имя которого было известно всей Европе. Уточинный увлекался пометками на воздушных шарах. И вот в сентябре 1909 года Куприн вместе с соругниками из Одессы поехал в Крым. Уточинный, в этом первом своем полете он испытал незабываемое ощущение пребывания на большой высоте. Стремился побывать там, где требуется испытать физические и духовные силы. Куприн уже был под землей, когда работал в шахте, под водой, когда опускался в море в водолажном костюме, а теперь поднялся высоко в воздух. Отмечая это, поэт и публицист А. Амфитропов посвящает Куприну следующие стихи:

«Ступил ты на дно морское,
Поднялся ты до облака...
Из чистых стихий в покое
Огонь оставил лишь позади».

С Уточинным — таким удивительным спортсменом, простым, живым и любящим все нинаво в жизни, остроумным и во все делах оригинальным — Куприн был в близких отношениях. Что-то общее было между писателем и спортсменом. Во всяком случае, страстное увлечение спортом сыграло не последнюю роль в их общении. Когда Уточинный потопил аварию, участвуя в наслеп

подготовленном соревновательном перелете Петербург — Москва, Куприн сразу же выступил с обязательной статьей протеста: «Устрашительный перелет». Позднее, во время болезни Уточинна, он одним из первых организовал через редакцию газет «Сбор средств» в пользу больного спортсмена.

Знал Куприн и другого спортсмена и авиатора — знаменитого борца Ивана Зинкина. С ним он тоже поднимался в воздух на аэроплане. Правда, полет был неудачен: аппарат не выдержал веса летчицы и пассажира и против воли пилота стал внезапно сминаться по направлению к многоэтажному толпе зрителей. Чтобы избежать смерти, Зинкин, управлявший аэропланом, так круто повернул руль управления, что аппарат завертелся в воздухе и упал. Ударившись о землю, он разбился на части. Зинкина и Куприна вывлекли из кабины. К счастью, они получили лишь небольшие повреждения.

Куприн — едва ли не единственный в мире писатель своего времени, много внимания уделявший в своей литературной деятельности не только спорту, но и ширку. В его многочисленных рассказах и стихах с большим знанием дела описывались особенности борьбы и боя, стрельбы и скетчинг-ринга, русской лапты и шахмата. Он с любовью пишет о жизни цирковых артистов — борцов, гимнастов, акробатов, маэстро... Как в спорте, так и в цирке Куприн выступал за честное отношение к спортивной деятельности не только художника но и разоблачая дельческие тенденции в спортивной борьбе, безраздельное господство закона прибыли, в жертву которому приносились здоровые члены общества. В Сибирии авиатор Роберт Антоний Ватик Куприн осуждал американский эгоизм в борьбе: «У американцев нет никакого эстетического самосознания и они считают, имея в виду только один денежный приз...»

ПАРОДИИ

Павел ХМАРА

«Мог любезная стрела,
«Как жалоб был ее лязг!»...
«Ог мала, шепела и оды
В досаде шуршала она».

(Евгений Винокуров)

Моя любезная стрела
Моя неслепая белая,
И руки властно прострелаю
И ней дождю в поглотитель.
Моя любезная устала,
И я, естественно, устал:
Пока она была стабильна,
Я стих по стрелу написал!
Утомилась, глядя на ночь,
Когда уж выбились из сил,
А после сам Корней Ковалев
За этот стих меня неслал
И мне всю ночь ковыть снилось,
Белая в мыслях вода,
И разделение труда
Я пошла всю необходимость.

«...Но я и сейчас умею
объяснить по поводу,
если надо идти — иду,
как тогда...
в голодную
«...Проходя дворами, мне
правилось очень
замечать...»
«...Поднимался по лестнице,
«...Лежбионы! Записывайтесь
в почталыоны.
Денег не жалкните.
Научитесь рано вставать!»
(Александр Заурки)

Еще восток не окрасился
в ярный сурин,
спасает Медведич в море,
посылает Арбат,
Только я, почталон Заурки,
падаю, но иду,
газетно сумной горбат.
Проходя дворами, с меня
сосканивает сумка,
не замечая,
продолжаю ее нести.
К спичкам мальчица владьяность
и всем раздано
номера

«Юности...
в каждом номере,
синеет радужно кишочка
портрет.
Под них стихи
о работе арбатской почты.
Мои стихи,
так как я еще и поэт.
Сегодня мне двадцать,
и было вчера семидцать,
а завтра, возможно,
стукнет семидцать пять...
В почталыоны, поэты,
спешите скорее записаться.
Научитесь
как Алексей Заурки,
писать».

КУКИШ В КОНВЕРТЕ

Маленький фельетон

«Выходило ли вам, дорогой читатель, получить дополнительные письма? Вытрезхив из кармана монетки на покрытие почтовых расходов, разглядывал их вы истерически повернул, полагая, что письмо должно быть в конверте, но конверт так опрятно не успел даже марки наклеить?»

А в конверте, увы, кукиш, намазанный на белом листе хитрецким

карададомом — штука томашеюся от безделья алгокомсаненного знакомого:

Ох, уж эти доплатные! Не считанные монетками, а десятками рублей ожидание расплачивается государству за приключенных авторов. Но речь не о материальном уроне.

В редакциях доплатные конверты распечатывают с трепетным интересом. Кто знает, может быть, в одном

из них первые пробы пера нового Лермонтова или Толстого; ऐसे Лермонтовы рождаются раз в полтора столетия, самое время одному из них поддать голос.

Но в конвертах чаще всего... Нет, даже не белый лист с контурами быдальной комбинации из трех пальцев. Чаще всего — стихи. Примерно такие:

Ух, вы елки-палки,
Хвойный лес густой,
Нрав родимый мой.

Скотоподобный автор и в мыслях не держал преподнести редакцию кукиш.

Он думал: шедевр. Но литконсултант — народ подиотерный, сразу видит обыкновенный кукиш. Однако отвозит автору спокойным тоном. Вполне-де разделяем вашу привязанность к отечному краю, но при чем тут «ух, вы!» и «елки-палки» при чем? Слых же хвойный лес ни к чему и ни к горду.

А скотподом не согласен. Не согласен, и точка. Он посылает новое доплатное письмо на имя заведующего отделом: «Ух, вы, елки-палки!» и «хвойный лес» — художественные детали, они создают обязательный в высылку поэзии коорит, чего не поналадоборосовостный консультант, не

«ВЕЧНЫЕ ОБРАЗЫ» И ВРЕМЯ

Сто с лишним лет назад И. С. Тургенев произнес речь на публичном чтении в пользу Общества для восстановления жизни умирающим литераторам и ученым под названием «Гамлет и Дон Кихот». Речь эта вызвала большие отклики и споры у современников, ее не обсудили, да и сейчас не обсудят, ничто из публикации о Шеншире и Сержантесе, Кочино, и о Гамлете и о Дон Кихоте гласили и до Тургенева (достаточно вспомнить «Полет Великого»), но Тургенев являлся за новую интересную задачу — их сравняет два произведения, написанные почти одновременно, и сопоставляет два «вечных образа» как два типа человеческой истории, потому что, по его мнению, из этих двух типов вытекают две основные противоположности человеческой природы. Довольно можно работать на два типа, хотя и условно, говорит Тургенев. Одни — это люди, которые не хотят жить, а хотят умереть, поэтому никому самоумерозвание, как Дон Кихот, другие склонны и мучительно, развращающе, как Дон Кихот, эгоистичны, как Гамлет.

Каждый, читавший речь, помнит, что Тургенев развешивает Гамлета и возмущает Дон Кихота. Такая оценка довольно субъективна, но она характерна для времени писателя. Мы сейчас вернемся к себе больше людей, которых легче назвать «гамлетами», чем «дон кихотами». «Всемому лестно просить Гамлетом, никто бы не хотел просить Дон Кихотом», пишет Тургенев.

Любопытно, что это, конечно, условное деление на «Гамлетов» и «Дон Кихотов» можно проводить и в русской литературе прошлого века. Вспомним хотя бы образы «лиричных людей» или «шеспировского героя» Шеншира даже в названии тургеневского романа «Гамлет и Дон Кихот», с другой стороны, можно назвать «донкиховствующего» князя Мышкина из Достоевского. Так что некоторые основания для подобного разделения людей на две иррациональности у Тургенева были.

Само собой разумеется, что — чисто литературное деление, и сколько не выражающее характера общественных отношений того времени.

Сейчас нам было бы странно говорить о наших современниках, сравнивая их с двумя названными литературными типами. Эгоизм и сомнение мы не находим в названии тургеневского романа «самоумерозвание — «донкиховство»; просто эти термины не подходят к нашей эпохе.

Изменения и наше отношение к этим двум «вечным образам». Сейчас, сто лет спустя, мы больше склонны сбавить их, чем противопоставлять. Если говорить по моему, согласясь с тургеневской трактовкой образа Дон Кихота, то Гамлетом мы понимаем иначе. В советских театральных постановках Гамлет предстает совсем не безумным рефлексирующим эгоистом, а наоборот, натурой гуманистичной, действительной, человеком, подобно «рыцарю печального образа», вышедшим в одиночку на борьбу и умирающим в неравной битве со злом.

ДУХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 160-летию со дня рождения Проспера Мериме

Интерес к России и к славянским языкам, видимо, был у Мериме наследственным: его отец, художник, занимался изучением славянской церковной живописи. Первым проявлением этого интереса была сборная «Гуляк» — стихотворная подножка славянский фольклор, столь удачная, что ее не сразу распознал Пушкин, переводя «Песни западных славян» как оригинальное произведение.

Через известного bibliофила, друга Пушкина, С. А. Соболевского, Мериме впервые познакомился с русской литературой и, заинтересовавшись ею, специально начал изучать русский язык. Мериме находит в нем большие достоинства. «Русский язык гоним, страдает из-за поэзии», — писал Мериме, — «он необычайно богат и в особенности замечателен по точности выражений и отточен. Он извлек из подобного языка искусный писатель, отдающийся наблюдению и анализу, и какой непреодолимой трудностью гонит он для переводчика».

Навыскивая часть языка Мериме воздала Пушкину. В статье «Александр Пушкин» он ставит русского поэта выше всех современных европейских писателей, в том числе и Байрона. Особенно то отмечает его простоту и правдивость.

«Пиковую даму Мериме назвал «бесмертным сочинением» и перевел на французский язык. О поэме «Цыган» он пишет: «Я не знаю произведений более скупого, если только эти выражения можно восполнять для похвалы, из этой поэмы нельзя вынуть ни одного слова и ни одно слово... Исследователи предположат, что замечание «Кермен» возник не без влияния «Цыган» Пушкина».

Высоко ценит Мериме Н. В. Гоголя. Он не паред «Ревизора». Мериме верно помнит тургеневский комизм Гоголя, скажу о нем: «Всегда суровый и саркастичный, он смеется по-кочевому смехом, часто более грустным, чем слезы...»

Среди русских друзей Мериме были Баратынский и Вяземский, Герцен и Тургенев.

С Тургеневым Мериме связывалась большая дружба. Он был первым из критиков, отзывавшихся на выход во французском переводе «Записок охотника». Мериме переводил рассказы и романы Тургенева.

В одном из писем, обращаясь к Тургеневу, Мериме верно оценивает не только его творчество, но и реализм русской литературы: «Ваша поэзия ищет прежде всего народа, а красота потом является сама собою; наши поэты, напротив, ищут совсем противоположной дороги: они хлопочат прежде всего об эффекте, остроумии, блеске...»

До конца жизни Мериме вступал в переписку с русскими литераторами во Франции. Цена его исключительные задуше в этом деле, Обществу любителей российской словесности в 1862 году избрало его своим почетным членом.

которая непременно встала в свою будущую орбиту весь аппарат от Републикатора Галл до самых затерянных и убогих членов редакционной коллегии.

А времени-то жалко! И бумага? Что стоило?

Минуточку: прическа свежую почту. Есть доплатные. И опять непременно распылять конверты. Возле обнаруживают все в туалете. В редакционной комнате, который из-за волнения забывает выключить конверт марку. Ведь если Лермонтов рождается раз в полтора столетия, самое время одуматься из них поднять голос.

В. ТРЕТЬЯКОВ.

КОГДА МНЕ БЫЛО 70 ЛЕТ...

Наш корреспондент обратился к ряду известных киноактеров с просьбой рассказать о наиболее важных событиях в их творческой жизни. Ответы мы будем помещать в нашей «Странице малых встреч». Первое слово — Николаю Черкасову.

Я был молодым актером, когда Ленинградские киноактеры предлагали мне сыграть в фильме «Годы Балтики» семидесятилетнего профессора Поповича, профессором которого послушал замечательный русский ученый К. А. Тимирязев.

С «двоемисемидесятилетним Андрюхом» мы довольно долго занимались постановкой очень сложного триома. И вот в парике, с прилежными бородами и усами, с большой сумкой через плечо и отравившись пешком через весь город на квартиру Тимирязева, там меня его бывшая прислужница Проконье уступили мне дорогу. Пинками предлагали поворачивать назад. Наконец заветная квартира. Поднимаюсь на третий этаж, звоню, чиняет замок, открываются двери, и я слышу испуганный голос: «Сюда!»

— Господи, батюшка, Климент Арнаудевич! Родной, живой! Я, как женщина, промочила в семье Тимирязева несильно десятков лет, никуда не издала!

Счастливый и довольный, вросился в меня, как в родного, был лучше ощущать большой и гонимый инстинкт правды! Это Л. ГЕНДИН

давший распылиться поэтической роле.

Вдохнув, заведующий отделом достает из архива забытые иерихи. Определает: кушак, самий обыкновенный. Вежливо сообщает называемому корреспонденту, что и рада бы напечатать, но...

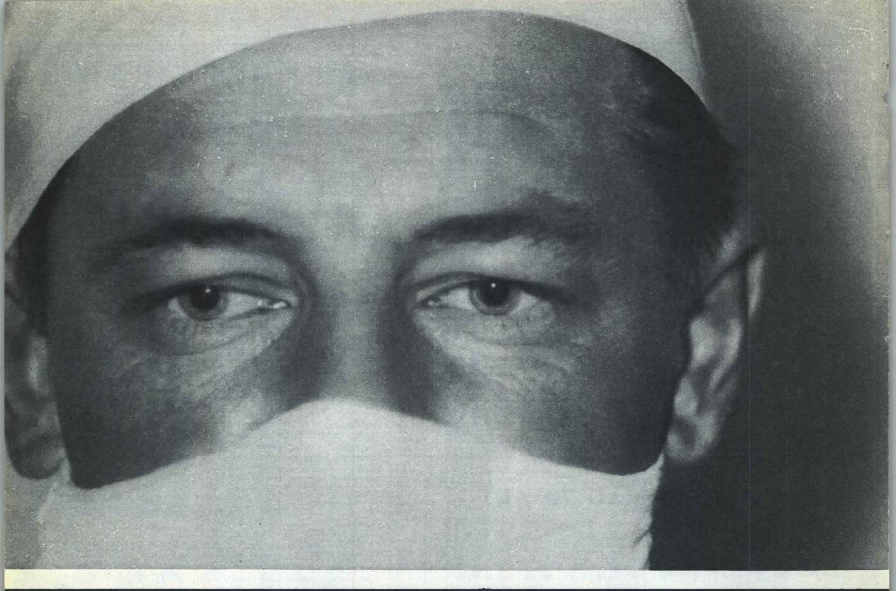
Но «оближенный» автор уже строчит десять дополнительных писем — всем членам редакционной коллегии. И редаклясти, что помахать, отдавая обсуждение очередного номера, советует коллективный ответ: все-таки, уважайте моих товарищ, «хук выш не при чем, и «ежели-на», и «хвойный лес тоже. Да, дорогой читатель, доподлинно

установлено, что большинство графоманствующих жалобочков поступает в редакцию из конвертов с пухлыми рукописями. Но они, эти жалобочки, вовсе не так наивны, как тот мальчик из старинного хрестоматийного рассказа, который однажды в жизни посылал письмо, принашив марку к почтовому ящику.

Одессит Н. Г., отвечающий на каждое письмо из редакции десятком грозных писем, которых мы не публикуем, жив в Тульском области — булгаков. Оренбуржец Л., мучающий громы и молнии, как Завьяра Озolina колыбель — сподвижник, но «собою родаущий» — и начнется бумажная бу-

и вот что еще характерно. Божие-

ОБЫКНОВЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ

Вобщепито Нина Светович собиралась ехать на лечение в Москву, но потом узнала, что в Новосибирске открыли новую клинику и в ней работает профессор Мешалкин, лауреат Ленинской премии, очень известный хирург. И поехала в Новосибирск: все-таки это на три тысячи километров ближе к дому, к Забайкалью.

Самое профессора она видела два раза... нет, три. Один раз он смотрел ее в темном рентгеновском кабинете и два раза — на обходе. Он сказал, что у нее порок не самого сердца, а аорты — очень крупного сосуда, который отходит прямо от сердца. Надо оперироваться.

Нина знала, что надо оперироваться. Для того она и очутилась здесь. Она хотела, чтобы ее оперировал сам профессор, но Мешалкина вызвали на какую-то конференцию в Рязань. Впрочем, к этому времени Нина уже привыкла к клинике и к ее порядкам. Таких операций, как те, что предстояли ей и другим больным, лежавшим в палате, здесь делали много. Их делали разными хирургами — не только профессором, но и его ученики. Для них это была повседневная работа... Она знавала, что ее будет оперировать доктор Медведев. Он довольно молодой с виду, но самый опытный хирургом. И поэтому Светович была перед операцией спокойна в той мере, в какой может быть спокойн человек, которому должны на операционном столе заменить порезанный большему самой большой в его теле сосуд на трубку из пластмассовой ткани.

В тот день я оказалась в клинике — приехала накануне в Новосибирск в командировку. Решние я работала хирургом, и хотя самому мне не приходилось оперировать на сердце, но видела немало таких сложных операций. А поскольку я все-таки

Борис ВОЛОДИН

уже отвык немного от больничных дел, на меня тоже произвел большое впечатление, что такая операция стала обычной для всех врачей, принимавших в ней участие.

Почему это было так, я и хочу здесь рассказать.

В отличие двух недель Нину Светович, что называется, «с головы до ног» обследовали хирурги, терапевты, рентгенологи и биохимики. Они точно определили отклонения в работе сердца, дыхательный объем легких, состояние нервной системы, количество кровяных шариков и соотношение молекул разных белков в каждом кубическом сантиметре ее крови. Когда все это было сделано, большой записки инженерский молодой доктор: у него была большая черная борода — из-за нее доктор казался еще более милитарным. Звали доктора точно так же, как чеплоха мира, — Юрием Власовым, только этот Власов был физиологом.

Сознакомившись со всем, что было записано в истории болезни, Власов-физиолог назначил пациентке новые исследования: без них он не мог сделать своего слова. Он несколько раз сам снимал кардиограммы, определял объем крови, проходящей по сосудам в минуту, и даже количество крови, выбрасываемой из сердца за одно-единственное сокращение. Исследования делались в большой лаборатории, там Светович укладывалась на специальную, слегка покачивающуюся стол.

Накануне операции в рентгеновском кабинете большой провели анализ зондирования сердца. Это было исследование самое трудное для врачей и самое неприятное для Нины, хотя его делали с

обезболиванием. Медведев провел в бедренную вену большой тонкий зонд. На тусклом мерцающем экране рентгеноаппарата врачам было видно, как движется в теле Светович черная жесткая тень зонда.

...Зонд прошел по ходу сосудов в правое предсердие, и физиолог замерил в нем давление крови. Медведев, напряженно всматриваясь в экран, повернул острие зонда, проколом перегородку между предсердиями точно в том месте, где нет сосудов и нервных узлов. Чернобородый физиолог замерил давление в левых камерах сердца и взял оттуда немного крови, чтобы биохимики определили в ней содержание кислорода.

После этого у Власова оказалось в руках все, что было необходимо для расчетов. Перед операцией он точно знал, чем отличается состояние большой Светович от состояния десятков других больных, страдающих этой же самой болезнью.

В тот день в стерилизационной на доске было вывешено расписание предстоящих операций. Против фамилии каждого больного стояли фамилии хирурга, ассистентов, физиолога, врач-анестезиолога, которые должны давать наркоз и лечить больного во время операции... Профессор Мешалкин часто повторял ученикам фразу знаменитого французского хирурга Лерина: «Операция спасает жизнь больного путями, которые могут убить». Он называет анестезиологов «операционными нефрологами» и еще шловодирями, которые обязаны помочь больному без ущерба пройти через чрезвычайные обстоятельства операции.

Анестезиологом на эту операцию было назначено двое. Старшей была аспирантка Аликс Ровина, крупная, миловадная — из-под белого колпака

—Вицицие!..— громко сказала Медведёва. — Перехвати сосуды... Засеките артерию...

всегда высматривается кончик белой нити прядки и красянки губчатых кашпо. Алёна была опытным анестезиологом. Высокий ординатор-первогодок, ее помощник на этой операции, напряженно слушал, как она вместе с Власовым заранее намечала, что и в каком месте операции они будут делать, какие лекарства могут понадобиться. Они слишком быстро все это обговаривали. Первогодок даже не запомнил всего сразу, а Ровина уже поднималась по коридору к палате, в которой лежала Нина Сивомова. Помощь, она усомнилась за дверью быстрые шаги и шепот: «Докторша с губчатыми серегками идет, кого-то из нас завтра на стол».

Медведёва кончила мыть руки, вытер их стерильными марлею, и операционная стерильна, астряжка, что расправилась лучше, показала ему светло-синий стерильный операционный халат.

Здесь были свитеры и халаты, и простыни, которыми накрывают больных — все тело, кроме небольшой полоски операционного поля, и марлевые салфетки, которые переносит к краям рамы. Свитеры были даже просторные чужие бахвалы, что должны натирать на ноги каждому входящему в операционную. Только колпаки на головах хирургов были белыми. Их не меняют, входя в операционную. Синий цвет выгорел для глаз: тонкая материя не отбрасывает в лицо так много отраженного света, как белая. И это очень важно: ведь каждая движенье руки оператора должно быть точным.

Шагнула, тут она заметила записки Медведёвой, тонкие резиновые охватки. Ассистент подвинула в сторону, уступая ему место. Гайда в дальний угол операционной, хирург спросил:

— Как жарко?

Рядом с ним, позади переборщившей через металлическую дугу синей простыни, огадлившей головной конец стола от стерильных локтей хирургов, сидела молодая врач-анестезиолог. Он подала, что Медведёва спрашивает его, и сказала:

— Большая ситя короче.

Но Медведёва будто не слышала ответа и все смотрела в угол: там стоял аппарат-энцефалограф: с его роликов сползала лента, исчерченная кривыми биотоков мозга. Врач дежуривший у энцефалографа, глянула на ленту и ответила:

— Второй уровень первой хирургической стадии. Медведёва протянула руку за скальпелем. Он работал очень быстро, но один из ассистиро-

вавших ему аспирантов был неопытен и не очень ловок. Медведёва уже взяла у операционной сестры инструменты, которыми должен был раздвинуть мышцу, но отложил их. Он подтрунивал обоим ассистентам фобой, чтобы не обескуражить неопытного за то, что они задержались с перевязкой мелких вен.

— Спокойней... Не бросайтесь... Берите только сосуда.

Медведёва сам наложил два или три зажима, казалось, он делал это не прицеливаясь. Но длинные никелевые ланки точно ухватывали центр красного пытышка, и после этого кровь уже не сочилась.

Он раздвинул мышцу, рассек плевру, в ране показалось легкое, оно должно было перестать дышать сейчас, светом поддухом, кованым же грубую клетку. Но этого не произошло.

В дычателое горло больной была вставлена тонкая трубка, соединенная с наркозным аппаратом, но ей прямо в легкие подавалась смесь кислорода и перов трилено — сильнейшей обезболяющей жидкости, скупо — лишь до отметки «10 см³», — валитой на дно аппаратной банки. Когда еще перед операцией больная уснула от инъекции наркотика, исца за этим ей ввелась и везула курара. Он расслабил, выключил всю мускулатуру. Поэтому анестезиологи очень легко пролезли в трахею эту трубку. Но поскольку мышечное расслабление продолжалось, за винтику «ампа» наркотикотор: он то слышал, то отступал в определенном небыстром ритме резинной мешок смесителя: вдох... выдох... вдох...

Сейчас наркотизатор стал вытягивать зачем-то шнею, стараясь заглянуть в рану. Приподнялись веки больной, сосредоточенно всматривались в зрачки, трогая виткой розовицу, проверяя рефлексы. Наркозная сестра измерила давление, считала пульс, снова мерила давление.

Зажужжала сразу два стоящих в операционной аппарата: самописцы другого черткан кривые биотоков мозга, самописцы одного — кардиограмму. Алёна Ровина быстро разрывовала наркозную ланку. Губчатые кашпо чем-то помешали Ровиной, сасисуд, она положила их в карман халата, взглянула на исчерченные кривыми биотоков бумажные ленты и велела вести еще тубокураторина.

Медведёва сказала серанто:

— Ланков не сдвигается. Алёна, хватит писать...

Последн сема!

Ровина подошла к наркотизатору.

— Ты дыми полуступым мешком. Дуже меньше чем полуступым... сказала она.

Ровина сама нажала на клапан, воздух со сви-

стом ушел из аппарата, мешок опал, и тут же Медведёва осторожно сдвинула ланку причудливо выгнутую никелевой ланкой — серальдом. Сестра подала ему баночку марлевого салфетку, смоченную в тепловом растворе. Медведёва отстранила его сераде, мерно вздвигавшее под серальной полупрозрачной «сорочкой»-перикардом, и тогда сразу стала видна аорта — уруглая труба, лежащая под еще одним лантком плевру, у сини.

Медведёву пододвинула табуретку. Он сел: ланки были помыты тепл. Длинные тонкими жожидки с маленькими заплатами налезли ланку и обважала аорту. Он все делал очень просто, и это было так замечательная простота, которая теперь никого не удивляет. Руки Рихтера, Кайберна, Ойстрака, золотые руки академика Бакулева, недавнего свое искусство межеству учеников и в их класса Мешалкина и Медведёвой... Руки много умельцев двадцатого века, умельцев самых разных профессий, давно рассказали о новой ступени совершенства, которой достиг этот естественный инструмент. Искусство рук уже никого не удивляет. Слово «артуроз» вышло из употребления, став бивальностью.

— Стало видно, что аорта как раз по середине слова смата или скорее ступата изнутри чем-то невидимым и цепким, стянула сразу в нескольких направлениях. Рядом с пережатой выдвинулось толстее — неправильно толстее — межсердечные артерии, ставшие откровенно кивальны. Это ланки взяли за себя работу аорты. Их сечение, даже все, вместе взятые, было меньше чем сечение аорты. Оттого-то кровь шла по ним под очень высоким давлением. Эти сосуда показались мне напряженными до предела, и даже покармались: не помоги себя Кайберна своей нащечке, сосуда лопнут... Но хирург перебила эти мысли.

— Будем мерить.

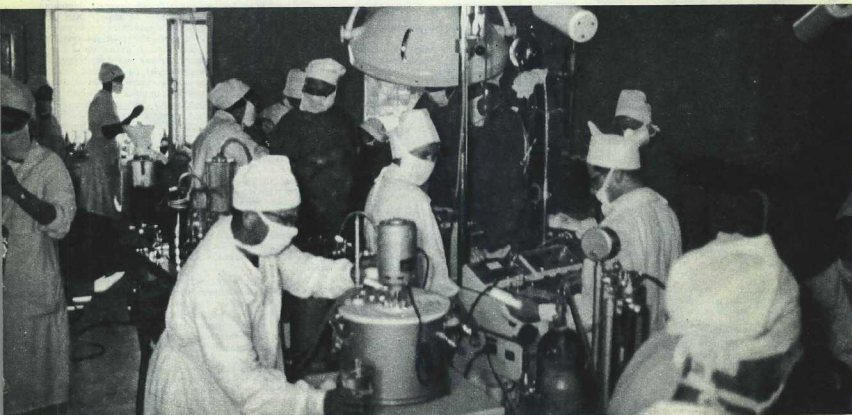
Власов стоял у кардиографа, к которому был прикреплен еще один аппарат — для измерения давления крови внутри сосудов. На этой операции давление приходится мерить много раз.

— Готово... — ответила физиолог и нажала кнопку. Аппарат зажуужал. Медведёва стала измерять тонкие вилы зондов то в один, то в другой сосуда. Каждый раз, прежде чем вколоть иглу, он вынул скал из нее тонкую стружку прозрачной жидкости.

— Выше сужения... Пишет?

— Сто шестидесять... отмылась юноша и поворачивала какой-то экран.

— Нижне сужения... — говорила Медведёва. — Пишет?

И. ГЛАН

Фото В. ТЮКЛЕЯ

Строгонова расширяется! Производственные школы художников — это не только производство конструкций самолетов Антонова, учебно-производственная мастерская — там в ближайшее время потребуется еще тысяч студентов. В этом году дипломы в училище защитили только сорон три человека. Мало! Конечно, но это больше, чем в прошлом году. Пять керамистов вышло из стен Строгонова, а в будущем году их будет тридцать больше. А ведь совсем недавно училище, существовавшее почти сто сорон лет, вообще не выпускало художников по керамике. Не было и отделения художественной обработки стекла, пластмасс, тканей. Теперь они созданы, и студенты выйдут, они молотом нового здания училища, построенного в 1958 году.

Строгонова — старое название. Теряется — Московские высшие художественно-промышленные училища. Здесь на втором этапе есть выставочный зал. В нем — дипломные проекты выпускников этого года. Юрий Суворова показывает мне свою дипломную работу, за которую он получил высшую оценку.

Мы переходим к крытому стеклянному копакому маневру интерьера обустройства магазина Основных строительных элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

нов искусство» велся спор: может ли машин, искусно быть произведением искусства? Пожалуй, около этого вот момента спор разразился бы очень быстро: да, несомненно, может!

Но суть даже не в этом. Опытный глаз специалиста обнаружит, что штурвалом на новом станке стало горло, а выходы — это, собственно, они иначе. Новое решение конструктора? Нет, находка художника, одобренная и принятая конструктором. Художник стал распорочивать штурвал, что движения рабочего стали более эконоными.

Как необходимо на заводах изобретатели такого рода! А их очень мало. Но, конечно, промышленность не может идти, пока студент закончит на работу и лишь тогда начнет творить. При мне между деканом факультета промышленного искусства и главным конструктором одного из больших машиностроительных заводов состоялся разговор.

На заводе разработчики автотранспортной линии. Конструктор просил, чтобы внешне оформление линии стало осуществляться студентами, завод предоставит для этого все необходимое. Декан сразу же принял его предложение и позвал студентов.

Но чаще бывает, что само училище ищет для своих студентов конкрет-

Все это важно, все это нужно. И хотя уютно из гипса, поворот без мысли и принципа, представления только корыбной, даже и эти трюны, поглядеть их обшиваемые поверхности, валь в руны. Марку принадевает, судьи слова о вещах: «Я могу относиться к вещи по-человечески, если вещь относится ко мне по-человечески». Лучше не спешить! Вещи, которые собраны в музее, очень спонтантически относятся и людям. Каждая из них вызывает определенную реакцию зрителя: «Я и не представляю, что ручка для полетера может быть такой уютной, а рисунок для умышьявания так красивой! Красота! Как раз такое, о котором я мечтал».

Мне хочется привести отзывы студентов — самых беспристрастных критиков, тем более что это студенты из других стран. Ребята из Лондонского Королевского колледжа искусств написали: «Некоторые работы очень хороши и поражают лучших студентов из Франции: я никогда не видел, чтобы студенты достигали такого высокого уровня мастерства».

Итак, ванеты и морщи, собранные в училище, нельзя рассматривать только как учебные работы. Многие из них, хотя сейчас они для массового производства. И тем не менее...

Мой гнд по музею—преподаватель одной из старших кафедр в институте — кафедра металлы. Антон Андреевич Завестовский говорит:

— Мы как-то подсчитали из реальных дипломных и курсовых работ имеется двенадцать процентов.

Среди общественных работ — рисунки Дворца пионеров на Ленинских горах. Через некоторое время открылось новое здание аэровокзала в Шереметьеве. Обратите внимание на огромное декоративное панно из металла на втором этаже. Это дипломная работа Выбилина — выпускника училища этого года. Строгоновым растисла клуб юбинанта «Трехгорной мануфактуры», клуб в колхозе имени Благодиря Ильича.

Ну, а как обстоит дело с остальными: со всеми этими приятными и недорогими красками, изысканным сервизом, необычными, но весьма урными ручными полетерами?

С этим вопрос труднее, гораздо труднее.

Эти слова принадлежит Г. А. Захаров, профессор училища по научной и учебной части. Разговор с ним был для меня несколько неожиданным. Я думал услышать возможные слова в адрес тех, кто мешают красоте, а услышал нечто вроде довершения.

— Как часто бывает, — начал Захаров, — придет журналист, посмотрит училище, побывает в нашем музее, а потом возмнет и напишет: «Нак, мнал, что эти вещи не доходят до покупателя!» Ему все кажется проблемально-сорочного комбината. Дважды я не могу устоять, но мне обещается не писать. Он говорит, что будет завитушкой меня обвинит! Но нам один надо сделать, а легких сенсационных шнафов — десять. При этом твоему училищу, у которого много ребят! Да и студентов вы балуете.

Вот такая легкая и недорогая мебель была бы, пожалуй, удручающею, как коридоров, чем коридоров училища.

Чуть что — они сейчас и требуют давать в производство! А вы знаете, что в консерватории, пока музыканты не сформируются, ему даже на семейных концертах не разрешают выступать! Академическая учеба должна быть на первом месте! Там что поусторонне обращается с этим понятием — «прегрорение в жизнь».

Нравно было бы думать, что заместитель ректора защищает антихудожественные изделия и тех, кто их производит. Или предостерегает, кто боится его воспитанников выхолдит, так сказать, большим тираном... (А речь, конечно же, шла не о любящих работ, а о тех, которые этого заступаются?)

— Вы думаете, все это так просто? — несомненно раз повторил Захаров.

А мы и не думаем, что все это просто. Мы думаем, в училище не только много студентов, но и преподавателей, и мастеров, и мастеров, и мастеров. (А речь, конечно же, шла не о любящих работ, а о тех, которые этого заступаются?)

Из нескольких десятков образцов керамики и ювелирных изделий выданы единицы.

Формально училище винить не в чем. Это, в конце концов, учебное заведение. Из некоторых работ преподаватели говорят: «Найкше, все выглядит пробыта». Судьба иных образ-

Перед вами дипломный проект этого года — вагон для межобластных сообщений. Автор его — студент отделения металла А. Кузьмиков.

центов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

шрифтов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

шрифтов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

шрифтов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

шрифтов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

шрифтов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

шрифтов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

шрифтов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

шрифтов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

шрифтов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

шрифтов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

шрифтов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

шрифтов, мы мне составлять планы для обустройства, видя для покупателя... Стоит все обстановку магазина, меньше гарнитура, а больше интерьерный элемент — деревянный щит. Комбинируя несколько таких

ГАЗЕТАМ

РЕПОРТАЖ С КОЛЛЕГИИ
МИНИСТЕРСТВА
МОРСКОГО ФЛОТА СССР
И С БОРТА ТЕЛЛОХОДА
«ЛЕНИНОГОРСК»

Предупреждаю: рассказ это о морях, но не о море. Седьмой раз в Гибралтаре вылезает в Мокву. На коллегии Министерства морского флота СССР он отчитывается о работе экипажа.

После того, как теллоход «Лениногорск», побывав в пяти иностранных портах, завершил пятимесячное плавание, капитана Анатолия Григоревича Третьяка вызвали в Москву. На коллегии Министерства морского флота СССР он отчитывается о работе экипажа.

Этот отчет меня заинтересовал. Во-первых, я довольно долго жил на «Лениногорске» и знаю его людей, а во-вторых, любому комсомольскому работнику (хотя бы и в прошлом) интересней, выразившись языком протокола, «как поставлена воспитательная работа в другом коллективе». Еще надо было в плавание, несколько раз влезая себя не том, что действую не как журналист, а как комсомольский работник. Присматриваясь к жизни на борту, вспоминал семинары и совещания по обмену опытом, на которых довольно много времени проводил любой «аспирантский» комсорг. И мне приходила такая мысль: вот если бы сюда какого-нибудь заводского или фабричного комсорга. Что бы он сказал?

Комсорг теллохода Юрий Крашенинников на второй день начала рейса пришел ко мне в каюту и спросил в упор:

— На какую тему вы хотите сделать доклад?
И, не дав мне толком собраться, «хочу ли я вообще делать доклад, он вырвал обещание — «О международном положении», «Монолог» в движении за мир» и: «Как делается газета». Меня не поразила настоятельность комсорга, но поразило и то, что на третьей минуте разговора с ним я в самом деле и совершенно искренне захотел сделать доклад. Меня несколько озадачила последняя тема. Я даже не понял, о какой газете идет речь — о «стенной» «Да нет, о большой». Вас будут слушать очень хорошо. У нас любят газету.

Почти через месяц после ухода из Одессы «Лениногорск» отдал якорь на рейде Гаваны. Первые слова вахтенного матроса советского торгового представительства, поднимающегося по трапу на борт: «Свежие газеты есть?»

На семи — десятитысячной эскадрилье газеты набросились с необыкновенной жадностью. В экипаж не видел людей, которые так бы читали — от заголовка до телефонной редакции. Эта жадность — простое любопытство, это — желание быть в курсе событий, дел, жизни на Родине. Можно подумать, что такое свойственно любому человеку, который долгое время находится вдали от родных берегов. Но это не совсем так. Старший помощник капитана Павел Кузьмин Горбачев язвительно жужжал над таким объяснением: «У моряка, ну, допустим, с греческого, с турецкого или там с американского судна вся жизнь при себе. Волнуется его еще семья на берегу. А что там и как там в стране, его не очень интересует...»

Я верю словам Павла Кузьмина. Плавает он давно. Исходил все моря и океаны. Слова бывшего моряка пробили мое сердце. Еще на танкере «Атланс», захваченном пиратами, он был вторым штурманом. Тринадцать месяцев изо дня в день божьими и голодом пытался чанкайскими силками никуда не изменить Родину. Целую!

Итак, свежий газет нет. Эфир на шлюзовещательных диапазонах столько несет помех, что радио практически слушать невозможно. Требуется невероятные усилия, чтобы сквозь грохот, треск, шорох различить голос диктора. Телевизора, естественно, тоже нет. Артистов не приглашали, лектора не вызвали. И все же комсомольско-молодежный экипаж «Лениногорск» можно поставить в пример экипажа «интернационального» комсомольского организациям.

Не буду рассказывать о работе экипажа. Они есть и действуют не как никуда. Надо видеть, с какой скоростью расхватываются брошюры, жур-

налы, книги, которые перед каждым новым рейсом буквально мешками загружаются на теллоход. Три-четыре мешка литературы, много газет, много по каютам. В первую очередь «отображаются» докладчики, агитаторы, руководители кружков. С поразительной методичностью и аккуратностью выходит стенага газет, бюллетень НГО, который ведет, как у моряков принято называть старших механиков, «деду» — А. В. Катковский. Издает сатирические листки «Комсомольский проектор». По воскресеньям из динамиков судовой трансляции раздается голос радиозасты. Все члены экипажа с интересом ждут его выхода. Назалось бы, ну, откуда может застыть информация для радиозасты, когда вся жизнь экипажа как на ладони! Мысли и заранее определять поступок того или иного товарища? И все же кое-что в воскресное утро на динамики поглядывают с опаской.

Вот если бы сюда, на «Лениногорск», того самого «аспирантского» комсорга, у которого на заводе местные радиовещание передает только производственную гимнастику, кружки существуют лишь на бумаге, а «Комсомольский проектор» не светит и не греет. Что бы сказал такой комсорг? «Объективные причины?» «Не зависящие от нас трудности?» Многие утратили бы надежду на работу. «Треск, шумная работа...? Истия», и на «Лениногорск» многие ушли. И на «Лениногорске» тоже работают в три смены...

Из Кубы приехали в Марокко. В трюмах тысячи тонн сахара. Стал у пирса Какабиан как раз в дни Рамадана — религиозного мусульманского праздника. На протяжении целого месяца грузинки соблюдали строгий пост. Много ли может заработать годовой человек? Судно прозядало просто, и команда включилась в разгрузку, хотя это и не входило в ее обязанности.

Капитан все время, пока трюмы освобождались от сахара, выяснял комплектацию — теллоход должен был идти в Одессу порожником, а это невыгодно. И капитан разложил, что из глубины страны в Какабиан движется большая партия апельсинов. Иностранцы стара, зафрахтованные марокканской фирмой, еще не подошли. И капитан заключает очень выгодную для государства сделку, предоставляя трюмы «Лениногорска» под этот подвальный быстрой порче груз.

Смелое решение принял капитан. Дало в том, что теллоход приспособлен для перевозки пшеницы, муки и других сухих грузов; он так и называется — сухогруз. А апельсины, скрепящихся продукт, транспортируются обычно на специальных судах — рефрижераторах, Банноисоза. Экипаж поддержал решение капитана. В срочном порядке была изготовлена дополнительная вентиляция. Пришлось немало помочать голову, располагая ящики с цитрусовыми так, чтобы они не «задохнулись», не погибли во время качки. Повторюсь, ни в обязанности экипажа, ни в обязанности капитана не входило все эти операции.

К чему эти факты? При чем тут идеологическая работа? Отчитываясь на коллегии министерства, Анатолий Григоревич Третьяк говорил о производственных успехах, Комсомольско-молодежный экипаж комсомунического труда теллохода «Лениногорск» пришло во Всесоюзном соревновании завоевал первое место и добился права носить на мачте вымпел Союза Министров СССР. Двадцать мореходов, которые на этой коллегии утверждали в должности капитанов дальнего плавания, шлюфовали отчет своего молодого, но опытного товарища и наверняка сделали правильный вывод: успех в труде сопутствует тем, для кого идеология стала не научным понятием, но самой практичной жизни, бытия.

Позтому с особой радостью узнали товарищи капитана, что Указом Президиума Верховного Совета СССР Анатолию Григоревичу Третьяку в числе других мореходов присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

В. КРИШЕЕВ

Гавана — Москва.

лов ни просто не была известна. Внедрить «пробирку» — дело сложное. Учились گرفتن удаче тем, что дадут своим студентам реальные задания. Но мне, например, трудно понять, чем отличается садане от гостиницы в стиле ампир от задания «составить маршрут» и «неодорожно» крисло, если это крисло не будет внедрено. Однако руководитель училища, Михаил Алексеевич Щербатов, говорил мне:

— Когда-то наши работники заинтересовались начальники Главвсбелы в Мосгоссовнаркоме. Больших наших поклонников были!

В кабинете Щербатова легкие и красивые стулья, изрядные полки. Истия, и все мебель в училище выполнена в основном руками студентов. Здесь налажено высшее образование: ученики первых курсов при образцовом старшенурстве могут поступить в аспирантский и недовогой тата. Говорят, что в

Плотно среди листов дипломного проекта шклет вот такую фотографию. Это красивые подарки из магазина «Доброба» на улице Горького в Москве — дипломная работа студентов И. Вайсшица и В. Ромачова.

Эскиз интерьера жилищного здания ГЭС.

продаже там же стулья стоили бы раза в полтора дешевле, но их никто не покупает. Больше продаются сейчас. А что они криские их — это я сам могу подтвердить.

— И что же дальше? — спрашиваю я.

— Дальше его куда-то перевели.

— А с новым начальником пытались установить контакт?

— Увы...

Итак, если говорить строго, стро-

гановцы только заявили о своих возможностях. Дальше этого дело не пошло.

Нет, пусть я буду формально не прав, но в том, что романскими неволей мебели и других вещей, которые я видел в музее Строгановых, являются только посетителя. есть доля истины в самом училище. Мне кажется, это оттого, что много здесь считают: «А, все равно не произведем, так спойнеем...»

Изо дня в день наш «АН-2» носится в горех на высоте пятидесяти метров. В фюзеляже иногда темно: скалы закрывают небо. Умные приборы шарают по земле, ищут тропу. А в грохоте и тряске, борясь с податливой порой иногда тошнотой, слежу за записью прибора и подаю короткие реплики пилоту: «Чуть ниже, чуть выше...»

Деять дней назад из самого центра полусухого бассейна, что у подножия горы, сразу за платоком обречителем, вытанулась к небу струйка дыма. Когда стало темно, дым исчез. Потом в небо хлынула отпавшая валя искра, и черную тишину разрешил разбегивший свет.

— Духи гор! — пошутил Серафим Александрович, наш отрядный пилот.

На следующий день «духи» проголосовали и привали в столовую Третьяковой прос девять. Все шестеро — инженеры-строители. Парня были небриты. У одного кипичая рыжая борода, подобно языку пламени, металась от тарелки со шами к жаренному омлету и, застыл на мгновение над комлотом, слова заворачивая к шам. Нестыжная черная борода второго упиром холола вверх и вниз. Это был «главный дух». Видно невооруженным глазом: мастер спорта по туризму. Остальные повелители — первоурядники.

На следующее утро весь поселок уже знал, что шестерка москвичей решила спуститься с верховьев Большой Чаи на платок. Затем была смелая, что и говорить. До места, откуда начнется спуск, их доставил вертолет. С этого дня местные жители, завидев шестерку в столовой, вежливо осведомлялись: «Скоро летите?»

Шесть пар шлет дружно поднимались: четвारे дня не было погоды.

На пятый поселок Чаи передали: «Видимость отключилась». «МТ-1», взан на борт владыка рыжей бороды, худенькую черную девушку, палатку и спальники, взлетел. Вертолет доставил выжего с девушкой на место и пометел обратно; вертолет было успеть перебраться проволочными и стальными «духами». Но больше вертолет в Чаю не вернулся. Мгновенно зародившаяся в чистом небе «кучева» смылась в сплошную облачность и задержала хребет. Путь был отрезан.

— Пятый день ребята там без жараты, — аккупилась «главный дух». — Черт бы побрал вашу авиацию!..

Летчики серафимы: — Всплуну в этих горях летать! — шво выключил. Понял!

На следующее утро, когда мы собрались в очередной маршрут, Серафим Александрович отыскал «главного духа».

— Ташите продукты, только поменьше зюволу!.. Прямо на нас надвигалась острая черная гора Байкальского хребта. Правее, из-за Южно-Муйских белок, раскала небо, вставало солнце. Еще миг — Байкал смыкнул с собой собою пену и свернула громадной сапфировой каплей. В наушниках раздался хриплый голос Серафима Александровича:

— Прошел Чан. Высота — тысяча пятьсот. Видимость — асять километром. На бору порякся. Я видел его скалы. Пилоты кованые и слава. Годовичка кашеница наушником. Правая рука сполно лежит на белой ручке газа.

— Какой курс, штурман?

— Сорок три градуса.

Это напоминало игру в «кошки-мышьки». Мы нырнули в ущелье. Оно было забито облаками. Мы поили в другое, долго летели по нему, и снова облак. Резкий, глубокий выжар, тотому, что четвारे выключил, — и мы полетели к тому месту, откуда начинал заход.

— Уходит надо. Не видите, закрыто все! — прокричал штурман.

Серафим Александрович не шевельнулся. Правая рука его сполно лежала на ручке газа.

Я знал, что Серафим Александрович провела в небе 13 000 часов. Знал, что для него безопасность полетов превыше всего и что в этом году он уйдет на пенсию.

Серафим Александрович сиял наушником и наклонил к штурвалу. Мы летели в сплошном облаке. Распорося стали беспомельны. Я видел, что штурман это понял. Он отключил на синьку кресла и прикрял газы. Серафим Александрович налетел валя машину к северному склону хребта Дааван.

Плато, где должны были находиться турматы, обрвалось к северу пропистою. Хребет Дааван замыкнуло платою подлокотником, оставила открытой только северную часть.

НАЧИНАЮ РАБОТУ В КВАДРАТЕ...

ИЗ ЗАПИСОК АЭРОГЕОЛОГА

Наконец облака поредели.

— Палатки Смотрите!..

Серафим Александрович ведал наушники.

— Спит еще, наивное.

— Сейчас разбудим!

Мы сизинили и повесили над самими макушками деревьев.

Сделаю еще заход. Еще. Низко-низко. Из палатки никто не вышел.

— Сбросим продукты? — спросил штурман.

Серафим Александрович не ответил.

Платоада была вон больше ста метров вышины, считая от прописти. Более или менее ровное место без деревьев, сплошь усыпанное разнокалиберными камнями. Я приподнялся в кресле и впелся в ручку.

Самолет резко потерял скорость: Серафим Александрович вышугал закрылки платоады. Мы покружились к платоаде, чуть перевалившись с крыла на крыло. Целились в самый край, чтобы не упустить ни метра. Сильно толкнулось о земную шасси.

Небо, деревья, костяные бока Даавана — все мокрое, синевовое, тревожное. Мы спрыгнули на землю и побежали к палатке. Никого.

Неподальку от палатки несколько валажних камней образовали стрелу, направленную острием на восток.

Серафим Александрович зашуга в тагу. Мы за ним. Когда подошли к невысокой темной избушке, служившей, видимо, зямовлем для охотников, стало не по себе. Капли падали с деревьев в мертвою пожурую листву, и шорох стоил завоушней.

Мы толкнули дверь. На нарах сидели две фигуры. Одна из них кинулась к нам.

— Привет, хлопцы!

Ож и зарос же он! Борода сваллась и из правенной сваллась грязно-желтой. Он ошалело тряс нас за руки.

— На самолете? Вы с ума сошли! Ой, умру сейчас! — дайте записку!

Рыжий сделал тагуоу затежку, что у меня переключило дышине. Девушка, видно, здорово ослабла.

— Заравствуите, — тихо сказала она и улыбнулась.

— Ты представляешь, Мама! — орал рыжий. — На самолете! С ума сошел!

Потом мы разругали самолет, отыщивали большие камни с площадки и обменивались адресами. А потом... Самолет развернулся носом к прописти...

— Письма! Письма! — закричала рыжий. Серафим Александрович убрал газ. Рыжий подбежал к двери и ступил мне в руки два смежанных булавных треугольника. Мотор врезал. Я посмотрел в окно. Рыжий с девушкой стояли возле палатки, смеялись и махали нам руками.

Самолет мягко тронулся с места. Мы устремились к прописти не по прямой, а по слоному зигзагу: Серафим Александрович выгадал метром.

Я знал, что он провела в небе 13 000 часов. Знал, что для него безопасность полетов превыше всего и что в этом году он уйдет на пенсию. И знала еще, что скорости для взлета он сейчас набрать не успеет...

Меня выросло из кресла, когда самолет сорвался в прописти. Несколько секунд стремительного падения, ушугий умар — и усмирная машина послушно полетела в облаках.

— Больше я в таких цирковых номерах не участвую, — раздался в наушниках толстый штурман.

— Давай быстрей вальчик свекла!

Серафим Александрович прикрял ларинги к горлу.

— Девятьсот сорок пятый начинает работу в квадрате. На бору — порядок. — Он повернулся и подмигнул мне.

О. ЕВГЕНЬЕВ

— Ну, теперь мы знаем все! — подумал он. Он перепечатавал письмо в третий раз, когда приехал Сергей. А еще через двадцать минут в комнате Муратова появился Стоун. Он он, ни Синицын не знали испанского языка. Муратов перевел письмо Ганзю.

— Это можно было предвидеть, — сказал Сергей. — Что спутники невидимы, мы знали и раньше. Выходит, что и сама их база также невидима. — Возможно, этим и объясняется, что мы никак не можем найти эту базу, — сказал Стоун. — Мы идем в надрах, а она, может быть, расположена на поверхности. В районе кратера Тихо очень много глубоких и широких трещин, неприступных плато, горных долин. В любом из таких мест они и могли расположить свою базу.

— На Луне нет осадков, нет ветров, — добавил Сергей. — Ничто не могло повредить оборудование, кроме метеоритов.

— А это значит только то, что база защищена, например, кришей прозрачной или также невидимой. Ясно одно, — сказал Стоун, — искать надо там, где мы сами расположили бы такую базу, будь мы на их месте.

— И еще одно замечание, — после непродогожительного молчания сказал Муратов. — Спутники и база могут быть невидимыми для наших глаз, как пишет Ганзю, но они не могут быть абсолютно прозрачными. Вспомните, на «Титов» мы все видели, что спутник закрыл от нас звезды, находившиеся за ним. Он не прозрачен. И на Луне он должен открывать то, что находится за ним. Отсюда я делаю логический вывод: база расположена там, где сзади ее находится место, никогда не освещаемое Солнцем. А может быть, она вся расположена в лунной тени.

— Правильно, — Виктор — одобрительно — сказал Синицын. — Лунная тень — это полный мрак. Правда, мы освещали прожекторами подобные места на неприступных плато и в трещинах. Но мы делали это просто для порядка, так как считали, что база обязательно расположена в недрах лунной почвы или горных пород. Поэтому мы могли и не заметить.

Георгий МАРТЫНОВ

— Недра обследованы, — сказал Стоун. — Теперь будем искать исключительно на поверхности. Седьмая экспедиция отправится на Луну через два дня.

Муратов колебался всего несколько секунд.

— Если можно, возьмите меня, — сказал он.

Стоун сдержал слово. Трудная и сложная подготовка седьмой лунной экспедиции была закончена ровно через два дня. Завелодит пол командованием Юрия Вересова стоял на пиренейском ракетодоме, ожидая своих пассажиров.

Муратов прилетел накануне старта. Он был хуже всех подготовлен к предстоящей работе и, чтобы не задавать бесконечных вопросов членам экспедиции, решил попросить Вересова ознакомиться его с техникой поисков и методами уничтожения Базы.

Вересов с готовностью согласился помочь ему. Они сели с утра и до позднего вечера усердно занимались.

Было половина двенадцатого, когда Муратов, усталое откинувшись на спинку кресла, сказал:

— Теперь я могу чем-то помочь в работе. Во всяком случае, буду понимать, что и чему. Спасибо, Юрий!

— Не стоит, должн и выспитесь хорошенько. Полет будет очень интересным. Спокойной ночи!

Муратов остался один.

— Спать, так спать, — сказал он громко и сладко потянулся, довольный собой.

Неожиданно в дверь постучали. Стук был тихий, осторожный. Видимо, стоящий за дверью не был уверен, спит Муратов или нет.

— Войдите! — сказал он.

И тут же в комнату, изумленный, растерянный, ничего не понимающий. В дверях стояла Ганзю.

Он знал, что она находится на Японских островах, еще вчера вечером он говорил с Мариной по радиотелефону, спрашивая, как чувствуют себя гости, что она делает. Марина ни слова не упомянула о поездке на Гирнейский полуостров, наоборот, она сказала, что Ганзю собирается провести в Японии долгое время.

И вот!

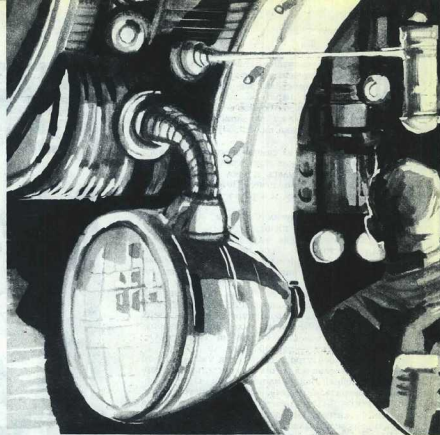
Муратов быстро овладел собой и пригласил Ганзю войти.

— Она прилетела сюда полчасика назад, — сказала Ганзю. — И легко узнала, где вы остановились.

— Она говорила по-испански.

— Почему вы одна? — спросил Муратов.

— Чтобы говорить с вами, мне не нужен переводчик, — просто отве-

тила Ганзю. — Марина устала, и мне удалось уговорить ее отпустить меня. Надо же мне привыкать обходиться на Земле без проводника! Я всю жизнь промучу здесь.

Тень грусти прошла по ее лицу при этих словах. Ганзю энергично тряхнула головой.

— Я сейчас уйду, — сказала она. — Поздно, и вам надо отдохнуть перед полетом. А явилась я сюда потому, что хочу лететь с вами.

— С нами! — воскликнула Муратов. — Зачем?

— Это вырвалось у него невольно, от удивления. Он уже догадался о намерениях Ганзю.

— Вы хотите помочь нам найти спутников?

— Вы странно ее называете. Но наше название неприведимо на ваш язык. Да, я хочу помочь вам и могу это сделать. Марина сумела доказать мне, что это мой долг. Надо быть последовательным, — повторила Ганзю. — То, что вы хотите найти и что надо найти как можно скорее, невидимо для вас, но не для меня. Наши глаза видят лучше, чем ваши. Я это знаю давно. Так возьмете меня или нет?

— Конечно, возьмем. И даже с радостью. Я сейчас же сообщу о вашем желании Стоуну.

— Она встала.

— Спасибо, Ганзю, — сказал Муратов. — Спасибо. Я очень рад, что вы изменили свое отношение к нам.

— Это могло случиться гораздо раньше. Здесь ваша вина, Виктор. Не нужно было избегать меня.

Он даже не нашелся, что ответить на такое заявление.

7

Участники седьмой экспедиции с радостью приняли Ганзю в свою состав. Это очень повысило шансы на успех даже в том случае, если она не знает точного местонахождения Базы. Ведь она сказала, что может увидеть ее, невидимую для людей.

Между разговором Муратова с Ганзю и стартом зевелодита прошло немного времени, всего одна ночь, но котировки успело разнестись по всему миру. Уже утром стало известно мнение видных ученых относительно зрения Ганзю. Большинство склонилось к тому, что она видит, как и свет, инфракрасный участок спектра.

Если догадка была верной, то Ганзю могла сыграть в экспедиции роль своеобразного живого инфракрасного зрелка. Такой экран был, конечно, во много раз надежнее любого прибора.

Марине Муратовой предложили сопроводить Ганзю.

— Я совершенно не нужна, — ответила она. — Ганзю может говорить с Виктором. Кроме того, еще три участника экспедиции владеют испанским языком. Зачем вам лишней и неуверенный человек?

Из разговора с сестрой по радиотелефону Муратов узнал подробности той беседы, которая натолкнула Ганзю на мысль лично принять участие в полете на Луну.

— Мы говорили с ней о моральной стороне ее полета, — сказала Ганзю. — Я старалась убедить ее в том, что она выдала планы своим соплеменникам из чувства человеколюбия и благородных побуждений. И, видимо, мне удалось этого добиться. Очень помогла ссылка на Риэгзю. Ганзю относится к нему с огромным уважением и считает ее его мнением. Это совершенно очевидно. Нет, — ответила она на вопрос Муратова. — Ганзю не уговаривала меня лететь вместе. Она сказала, что ей надо привыкать к самостоятельности и что не важ же мне опекать ее. Да, действительно не хочу лететь с вами. И рада, что Ганзю не уговаривала меня.

Я устала, хочу пожить несколько дней одна.

Впервые люди Земли увидели Ганзю в земной одежде.

Если бы не зеленый оттенок ее кожи, если бы не форма глаз, ярко-зеленые ногти на пальцах рук, да еще волосы, густые, таяельные и отбывающие изумрудом, Ганзю казалась бы обычной земной женщиной.

В высокой, гибкой фигуре гостя было что-то напоминающее танцовщицу.

— Кстанет не хватает, — шутили участники экспедиции. — Чистая испанка!

Проводить Гианцо в полет пришло очень много народу.

Муратов стоял рядом с Гианцой у нижней ступени трапа. Он напомнил ей о еще большей толпе, встретившей ее полтора года тому назад на этом же поле.

— Я тогда ничего не видела, — ответила Гианца. — Все мои мысли были заняты совсем другим.

— Что вы тогда ожидали? — спросил Муратов, снова надеясь раскрыть одну из загадок.

— Вы этого все равно не поймете, — сказала Гианца.

Муратов промолчал.

— Сама ты, милая, ничего не понимаешь? хотелось ему сказать. — Но ничего, придет время — и поймешь.

Протяжный низкий гудок — сигнал отлета — пронесся над ракетодромом.

Гианца ласково обняла Марину. (Та не выдержала и прилетела попрощаться с подружкой.)

— Мы скоро увидимся, — сказала она. — Вы будете со мной, когда я вернусь на Землю!

— Конечно, — ответила Марина. — Я буду с вами, пока вы сами меня не прогоните.

— Этого никогда не случится.

— Тогда, значит, мы состаримся вместе, — засмеялась Муратова.

— Это случится не скоро.

Как хотелось Марине воспользоваться случаем и спросить Гианцо о ее возрасте! Но она удержалась. Раз принято линию поведения надо было выдерживать до конца. Гианца должна сказать все по своей инициативе. Эта тактика уже оправдала себя, если не считать амьшательства Виктора.

— Системного пути и полного успеха!

— Для вас, — ответила Гианца, — для людей Земли. Но не для меня.

— Еще раз говорю вам, вы ошибаетесь.

Гианца не отвечала.

Где-зады второй гудок.

Участники экспедиции один за другим скрылись в выходной камере.

Последней в корабль вошла Гианца.

Герметические двери закрылись.

Муратов обратил внимание на полное спокойствие Гианцы. Этого не могло быть, если бы она не привыкла к космическим полетам.

— Вы часто покидали свою планету? — спросил она.

— Мою планету? — переспросила Гианца каким-то странным тоном.

— Вашу родину.

— Да, часто. У нас это — обычное дело. — В ее голосе ясно звучали насмешливые ноты.

Но к чему относиться эта насмешка, к Земле или к ее родине, Муратов так и не смог решить. Было, возможно, и то и другое.

Версес посадил свой корабль вплотную к зданию научного городка кратера Тико, но опасаясь повредить им. Отсутствие атмосферы в этом случае играло положительную роль. Даже грохот тормозных двигателей не был слышен.

— Наконец-то вы явились к нам сами! — сказал Стоуну руководителем научной станции кратера профессор Токарев. — Пора уже кончать с этой загадкой.

— Именно для того, чтобы это сделать, мы и прилетели так скоро, — ответил Стоун. — Завтра с утра примемся за работу. Времени терять нельзя. У вас все готово?

— Вы имевте в виду вездеходы? Они всегда готовы. С теми, которые были оставлены здесь шестой экспедицией, в вашем распоряжении восемь машин и четыре лунные ракеты.

— Столько нам и не нужно. А ракеты вряд ли понадобятся вообще. Токарев кинул головой.

— Да, — сказал он, — знаю. Вы надеетесь на... — незаметным движением руки он указал на Гианцо.

— Вот видите, — сказал Муратов.

Гианца стояла у окна. Казалось, ее заинтересовал лунный пейзаж, озаренный лучами высоко поднимающегося Солнца. На меридиане станции был полдень.

Она обернулась как раз в тот момент, когда говорили о ней, взглядом нашла Муратова и знаком подождала его.

Он тотчас же подошел.

— Земля бывает видна отсюда? — спросила Гианца.

— Нет, никогда.

— Далеко ли отсюда до Южного полюса?

— Не очень. Это место находится с краю видимого с Земли лунного диска. Это кратер Тико.

— Я не знаю названий, — нетерпеливо сказала Гианца. — Меня интересует другое. Здесь, в этом месте, сошлись траектории, которые вы вычислили?

— Да, здесь, — удивленно ответил Муратов. Он никак не ожидал таких вопросов от Гианцы.

— Это место всегда видно с Земли!

— Всегда. Луна обращена к Земле всегда одной стороной.

Его охватило волнение, он начал подозревать, к чему клонятся ее вопросы.

Неумелит!

Знавшие испанский язык участники экспедиции и двое из персонала станции подошли к ним. Затая дыхание, все ждали, что скажет Гианца.

Она, казалось, никого не замечала, обращаясь только к одному Муратову.

— Тогда... — Гианца на минуту задумалась, словно вспоминая что-то. — Был один разговор, который я слышала. Ригэра («Оплать это имя», — подумал Муратов) сказал, что спутники, — она произнесла это слово ироническим тоном, — находятся на участке, с которого никогда не видно Земли.

Он прибавил, что участок расположен у подножия горного хребта, недалеко от Южного полюса. То, что я вижу, — она плавно повела рукой, — похоже на описанное им. Не здесь ли то, что вы хотите найти?

— Он сказал, что база расположена внутри горного коллца? — спросил Муратов.

— Я не поняла слова, которое вы сказали.

— База?

— Да.

— Ну, место, где находятся сейчас спутники.

— Что-то похоже было. Даже наверняка было. Откуда иначе я могла знать, что на Луне колывальные горы? А я это знала.

— Вы хорошо помните, что Ригэра сказал именно так: «на участке, с которого не видно Земли»?

— Да, я помню это точно.

— Спасибо, Гианца! Вы снова оказываете нам всем огромную услугу. Она повела плечом.

— Я делаю то, что уже сделала. Ничего нового.

И отвернувшись, всем своим видом показывая, что не намерена продолжать разговор.

8

Стоун созвал всех на экстренное совещание.

Если Гианца угадала, а было очень похоже, что это именно так, то база иного мира, которую искали на сотни километров вокруг центра кратера, могла находиться совсем близко от станции, в месте, открытом взору людей и где никому не приходило в голову искать ее.

По словам Гианцы, к базе нельзя было приближаться. Если она рядом

с горюдом, то уже сотни раз люди могли приблизиться к ней. Что произошло бы в этом случае? Было немало, но, вероятно, ничего хорошего!

— Счастливая случайность! — сказал Тохарев.
Муратов сидел, погруженный в свои мысли, и почти не слушал развернувшихся страниц. Смутное подозрение, возбужденное в нем все большее открытостью Гианзи, постепенно превращалось почти в уверенность.

Он опровергалась наступившей лунной и сказал:
— Многое говорит за то, что соплеменники Гианзи были на Земле и на Луне очень давно. Видимо, тогда и соорудили базу для спутников и затопили их. Иначе не может быть сомнения в том, что это сделано не с добрыми намерениями. Но создатели плана явно просчитались. Темпы развития человечества Земли, ее науки и техники опередили их предположения. Они думали, что Луна будет еще не доступна для нас, когда явятся вторично. Нет, такие никакие сомнения, что космический корабль, покинувший возле Гермеса, отправился именно на Луну. Это и был второй визит в соплеменную систему. Зачем они прилетели, что сделали бы, если бы не побойли? Это очень важно узнать, и Гианзи это знает. Да, конечно, то, что мы не наткнулись на неизвестную базу, случайность, но не в этом случае. Медленно приближаясь к Гианзи. Она советует нам уничтожить базу. Действительно, так ли опасно приближаться к ней? А может быть, Гианзи просто хочет помешать нам ознакомиться с оборудованием базы, узнать чье ее хозяйство? Может быть, неожиданная и такая sorprendente открытость Гианзи — тактический маневр? Она понимает, что люди Земли или после найдут там, что хотят найти. И решила вмешаться, спутать их карты. Этим корабль обманется во интерес к шестой экспедиции, все ее поведение в последнее время. Мы расцениваем его полопотно по отношению к нам, но может оказаться другое. И ее жалко, участливо, она может быть вызвано желанием лично убедиться в том, что база перестала существовать и ее тайны останутся неизвестными нам.

— Вы обвиняете Гианзи в вероломстве? — спросил Стоун.
Муратов завысоко вскинул с ресья.

— Я ни в чем ее не обвиняю! Со своей точки зрения она, может быть, и абсолютно права. Все во мне протестует против моих же слов. Я высказываю одну из возможных версий. И только.

«Об этом стоить подумать», — сказал Тохарев. — Очень заманчиво познакомиться с оборудованием базы и своими разведчиками. Но пренебрегать словами Гианзи было бы неосторожно.
— Давайте подумаем, — сказал Соун, — нельзя ли с помощью роботов проверить степень опасности, которую представляет собой база.

Вобщем приняло узаключенный характер, и Муратов вышел из комнаты.

— Веще зале он увидел Гианзи. Она стояла у того же окна, в той же позе.

Он медленно подошел к ней, мужичий утравившим советси, раскивая по сторонам, которые возбудил против нее. Но он должен был сказать, если у него в голову пришла такая мысль. Ничем нельзя пренебрегать в таком деле...

Гианзи не обернулась. Казалось, она не видела, кто именно подошел к ней. Но когда он остановился позади нее, она сказала:

— Посмотрите, Виктор. Я давно наблюдаю и ничего не могу понять. Тени не движутся. Можно подумать, что Луна не вращается.

— Нет, Гианзи, она вращается, — ответил Муратов, думая о том, как узнала она его по шагам, что ли? — Луна вращается, как и все небесные тела или почти все медленно. Один оборот за двадцать восемь земных суток. Поэтому движение тени очень трудно заметить.

— А зачем это нужно?
— Что нужно? Наблюдать за движением тени?
— Я говорю о другом. Зачем вам нужно, чтобы Луна вращалась так медленно? Или это удобно для производной здесь научной работы?

— Скорость вращения Луны от нас не зависит.

Гианзи бросила на него короткий взгляд. Но он не увидел в нем ожидаемой искренности. Она, видимо, просто очень удивилась.

— Посмотрите, Гианзи снова протянула руку к окну! Как сильно нагреты освещенные солнцем и ключи они холодные в тот! Разве это удобно для вас?

«Так!» — подумал Муратов. — Она видела тепловое излучение. Она его ВИДИТ! Температура твоя ей так же ясна, как нам ясен его цвет.

— Посмотрите, Виктор. Я давно наблюдаю и ничего не могу понять. Выход с Гианзей. Так и сейчас. Он почувствовал ослепление волнами в разном направлении, как форма или как цвет. С их точки зрения, это нормально и естественно. Наше восприятие мира, в сущности, спектра, должно казаться Гианзе непонятным и странным, точно так же, как мне непонятно и странно ее восприятие окружающего, — думал Муратов.

Гианзи слетка конулась его руки.

— О чем вы так задумались? — спросила она и улыбнулась.

«Сказать? Нет, лучше не надо».

— Я думал о ваших словах, — ответил он. — Да, конечно, неравномерность нагрева лунной поверхности не очень удобно, но что можно тут сделать? — засмеялся Виктор Луны.

— Вы думаете, это просто?

— А разве не так? — вопросом на вопрос ответил Гианзи.

— К сожалению, не так. Испорить или замедлить движение небесного тела, изменить его вращение вокруг оси — все это мы можем предельно с небольшой помощью, но никак не так, как вы задаете задачу будущей техники. А разве у вас? — спросил он, почти не надеясь, что Гианзи ответит, — это возможно?

— Кажется, да, — Гианзи сказала это неуверенным тоном. — Я читала,

что на нашей родине клуна тоже вращалась медленно, но когда понадобилось, ее вращение ускорили.

— У нас очень шумли или нешумли?

— Ответ был очень неожиданным, очень странным и принес еще одну загадку.

— Не знаю, — сказала Гианзи. — Вернее, не помню, что было сказано об этом в книге, которую я читала.

Муратова, как он говорил впоследствии, было такое впечатление, точно его неслышимо захватил обухом по голове. От изумления он на несколько секунд потерял способность сказать что-нибудь.

Вот так новости! Выходит, что Гианзи знает свою родину только по книге. Она даже не помнит, сколько лун на небе ее планеты.

«Но она родилась на звездолете! — думал он. — Тогда ее родина очень далеко, так далеко, что человек может родиться и вырасти за очень много пути. Но это никак не вяжется с нашим предположением, что они посетили нас вторично спустя всего четыре или пятнадцать лет после первого прилета. Такие рейсы не могут предприниматься столь часто».

— Видимо, здесь Гианзи ошибается, — сказала Гианзи так тихо, что Муратов почти она говорит не ему, а самой себе. — Он был убежден, что люди Земли уже достигли большого, — прибавила она громко.

— Кто он? — Муратов обрел наконец дар речи. Он решил притвориться, что не слышал начала ее фразы, адресованной не ему.

— Гианзи.

— Вы разочарованы?

— Нет,нисколько. Это же его мое мнение, а не мое. Я ожидала меньше, чем учдела.

— Тогда, значит, Гианзи же о нас лучшего мнения, чем вы, Гианзи.

— Да, да, да.

— Вы имевте основание думать, что Гианзи переменил свое мнение?

— Нельзя переменил свое мнение, не видя объекта, — ответила Гианзи. — Было бы странно, если бы она изменила мнение.

— Дагда, маленького в мозгу Гианзи.

— Гианзи была бы побитым корабле!

Гианзи молчала.

Муратов увидел, как две слезы медленно скатились по ее щекам. Его трудно выражение ее лица. Большое и искреннее горе отразилось на нем.

И он понял, что угадал. Гианзи погибла вместе с кораблем, с которого Гианзи высадил на астероид. И он был человеком, которого Гианзи не только уважала, как говорила Марина, но и любила.

«Он поступил иначе», — вспомнил Муратов слова Гианзи, переданные ему Мариной.

И смутная догадка, что есть какая-то связь между отношением Гианзи к людям Земли и гибелью корабля, заставляла его вздрогнуть.

«Можно было подумать, что огромный космический корабль мог на случайно погибнуть, а был намеренно уничтожен после того, как Гианзи высадил, именно высадил с него».

Но другая женщина, та, что была матерью Гианзи, почему она осталась на другом звездолете?

— Он остротенно взял руку Гианзи. Она не протизилась.

— Скажите мне, — его голос срывался от волнения, — вы родились на этом корабле?

Гианзи изумленно подыала на него глаза.

«Как же так? Почему она не задумалась о таком странном предположении? Если у вас я родилась в полете, то моя мать была бы сейчас здесь, со мной».

Этими словами Гианзи подтвердила догадку. Звездолет был намеренно уничтожен. И, очевидно, именно Гианзей.

Такая повеления Гианзи на Гермесе начала протизяться.

— Вы были единственной женщиной на корабле! — спросил он, ждала убедиться окончательно.

— Да, единственной.

Внезапно Муратов вспомнил другие слова Гианзи. Она как-то сказала, что отправляясь в полет на Землю почти против воли. Значит, она и не могла родиться на корабле, как он подумал сначала. Это было явно ошибочное предположение. Но и маленьких детей не берут в космос. Почему же она не помнит своей родины!

— Слова загадки, еще более непонятная и запутанная!

Там, в Гермесе, в черной бездне космоса, произошла трагедия. И она связана с судьбой Земли!

Но ясно одно: Гианзи уничтожила корабль, уничтожила, чтобы помешать осуществлению полета, направленного против Земли. И он оставил Гианзи, чтобы звездолет, он хотел спасти ее, как женщину, быть может, любимую. А у вас? — сказала она, — оказалась совсем уж против своей воли, — сказала она тогда же.

— Да, все это случилось именно так!

И, не обдумывая своих слов, подчинился только чувству, Муратов сказал:

— Смерть Гианзи призрака!

Нисколько секунд Гианзи смотрела на него широко открытыми глазами, в них было смутнение. Потом она резко повернулась и выбежала из зала.

Очень скоро Муратов понял, что «вал в неименность». Гианзи больше не обращалась к нему. Она его не только избегала, но и просто игнорировала его присутствие. Если ей надо было что-нибудь спросить, она спрашивала инженера экспедиции Рауля Гарсиа, а когда Муратов сам задавал ей какой-то вопрос, она повернулась к нему спиной.

Он пытался положить на нее причину столь крутой и внезапной перемен. Конечно, он ничего не сказал, что могло бы обидеть или оскорбить Гианзи.

Может быть, она расценивала за его догадливости? Но ведь она сама сказала много, и его догадки, если она верна, вызвана ее же словами. И в нем Гианзи не разочаровалась, дарящая в стороне и выходя из своей комнаты только к обеду и к вечеру. Но дружный персонал станции она произвела неблагоприятное впечатление.

— Вы долго думаете пробить здесь? — спросила она за ужином, при всех обращаясь к Гарсиа.

— Тогда не найдем базу, — ответил инженер.

— Тогда надо найти ее скорее, — бесцеремонно заявила Гинзя. — Я хочу вернуться на базу.

Ответа этого звонит от вас.

Она только пренебрежительно улыбнулась и ничего не сказала.

На следующее утро, хорошо зная, что Стоун торопится, Гинзя задержала отъезд, больше часа плывя в бассейне. У нее не было купального костюма, и, хотя она была не привадала этому инкаского знаменья, никто не решился войти туда и потопорить ее. На станции не было ни одной женщины.

Только в восемь часов (часы станции показывали время на меридиане Перуана) четыре машины, гордо защищенные от метеоритной опасности, выехали из выжженного в скале гарсиа. Началась первая поисковая экспедиция.

Огромные металлические вездеходы быстро нагрелись солнечными лучами, и была включена охлаждающая установка. На сегодня было решено обследовать подножие горного хребта кратера Тихо с западной стороны от станции.

Гинзя находилась в машине Стоуна. Там же были Токарев, Гарсиа, Вересов и Муратов.

Виктор просит поместить его с Синицыным во втором вездеходе, но Стоун отказал ему.

— Не обращайте внимания на хитрости Гинзя, — сказал он. — Вы мне нужны.

Но Муратов понимал, что минимальная экспедиция просто в деликатной форме не считаясь с интересами его — других, рабочих, машин, потому что там мало места и присутствие постороннего человека будет мешать. Машина самого Стоуна была как бы штабной. Остальные три несли на себе все оборудование, и если база будет найдена, именно они и предназначались для самого дела.

Ийти базу никому сегодня, в первый же день, никто не надеялся. Снашком свежи были в памяти годы бесплодных поисков.

Гинзя по-прежнему не замечала Муратов, изредка обращаясь к Гарсиа. Она была задумчива и казалась рассеянной.

Пред краской Стоуна помещавшаяся большой инфракрасный экран. Обские, видимые цвета не отражались на нем, и лунный пейзаж казался причудливым сочетанием черной-белых пятен, в которых только опытный глаз мог разоблачить.

Стоун не слишком рассчитывал на этот экран. Он больше надеялся на своего инфракрасного зоркого Гинзя. Перед самым отъездом он спросил, уверена ли она в том, что сможет увидеть базу.

— Насколько я знаю, — был ответ, — она расположена открыто. Понемногу же я могу не увидеть ее. Лишь бы вы оказались достаточно близко.

Она говорила равнодушным тоном, но Стоун верил ее словам. Кроме того, он помнил, что Гинзя хорошо видит на таком расстоянии, на каком человек Зенит ничего не увидит без бинокля.

Она сидела рядом с ним, со скучающим видом рассматривая скалы. Оба смотрели вперед. Немного дальше было место Гарсиа, он следил за советом старшей. Восточная база поручена Вересову, а южная Токареву и Муратову.

Кроме Гинзя, никто не мог непосредственно увидеть базу, но все и не стремились непременно увидеть. Искали удобное для базы место, тогда же сами могли поместить бы подобную базу, будучи на месте соотесельников Гинзя.

Считалось наиболее вероятным, что если база находится здесь, то расположена у подножия скалы, то есть с северной стороны.

Машины шли медленно, со скоростью пятнадцать — двадцать километров в час.

Час через полтора напряженное внимание несколько ослабло, и Муратов стал думать о другом. Он снова вернулся к мыслям о Гинзя и о причинах ее гнева.

Ему казалось, что он не было инстинкты причин. «Но, может быть, — подумал он, — я ошибаюсь, и Гинзя вовсе не рассердилась на меня, а просто боится дальнейших вопросов с моей стороны. И избегает меня только потому, что не хочет отвечать мне».

Эта мысль была ему приятна. Неожиданная вразбродности Гинзя горчала у Муратова.

Как чаше испривить положение?

Прочел все час. Вездеходы находились уже более чем в пятидесяти километрах от станции. Постепенно всех участников экспедиции начала одолевает скука.

Стоун почувствовал это.

Его вездеход остановился. За ним остановились и другие машины.

— Предлагаю позавтракать, — весело сказал Стоун. — Отдохнем и отправимся дальше.

— На каком расстоянии вы думаете удалиться сегодня? — спросил Токарев.

— Не более чем на семьдесят километров. Если верить тому, что сказала Гинзя, то дальше никак, — бесспорно. Будет хорошо видна Земля. А Гинзя говорила, что база расположена в таком месте, откуда Землю не видно. Может быть, успевем сегодня же осмотреть и восточную сторону.

— Это будет оптимально.

— Не страшно? — спросил Стоун. Я вижу, что вы, жители Луны, облеглись здесь, — пошутил Стоун.

От завтрака все отказались, и, простояв минут десять, машины снова пошли вперед.

— Товарищи, не поддавайтесь рассеянности, — сказал Стоун, адресуя свои слова не только экипажу своей машины, но и всем остальным. — Смотрите внимательно. Сюда мы не вернемся второй раз.

— Смотрим! Смотрим! — прозвучали из динамика ответы. — Смотрим, но ничего не видим, — узнал Муратов голос Синицына.

— Увидим, можете быть уверены, — ответил Стоун. — Если не сегодня, так завтра.

Вдруг Муратов услышал, как Гинзя спросила Гарсиа:

— Скажите, как у вас на Земле отнеслись к смерти? — Я думаю, так же, как и в любом другом населенном мире, — ответил инженер, видимо, удивленный тем, что женщина задает вопрос. Но, к сожалению, неизбежный и обязательный. Люди смертны, и тут никто не может сделать. Когда умирает близкий человек, — это большое горе для тех, кто его знал. Умирает нужный человечеству, — это горе для всех. А когда умираешь сам, и знаешь, что надо успев сделать. Мы относимся к смерти так же, как к неизбежному злу и надеемся в будущем победить ее.

Он не знал, хочет ли Гинзя слушать его. Но она слушала и не перебивала, этого было пока достаточно.

Но оказалось, что его заключение было успешным.

— Я жду ответа, — сказала Гинзя, но не обреченная, — это грустный вопрос.

— Разве вы не слышали, что сказал Виктор? — спросил Гарсиа.

— Я спрашиваю у вас.

— Я полностью присоединяюсь к сказанному им.

Через несколько минут молчания Гинзя снова обратилась к Гарсиа.

— Справедливо думаете ли у вас на Земле самоубийство или убийство? — спросила она.

— Это совершенно разные вещи, — ответил Рауль, — их нельзя соединять в одном вопросе. Убийство оправдать невозможно. Это самое тяжкое из преступлений. Самоубийство, — это другое дело. Оно может быть оправдано. А что касается самоубийства, то все зависит от его причины. Но, как правило, мы считаем самоубийство актом слабости воли или проявлением трусости.

— Значит, и у вас нельзя называть это акт прекриваемым? — «Так вот оно что! — подумал Муратов. — Ее оскорбило, что я назвал смерть Гинзя прекриваемой. Но ведь долка она была понять, какой смысл я вкладываю в это слово».

— Конечно, — ответил Гарсиа. — Самоубийство отнюдь не прекриваемо. — Я недавно слышала другое, — сказала Гинзя.

— Муратов сидел спиной к Гинзя и не видел, указала ли она на него или нет. Но словенного ответа не последовало.

Здесь проявился различие во взглядах и понятиях людей Земли и соотечественников Гинзя. Очевидно, на родине добровольная смерть от любой причины выглядела и считалась настолько некрасивой, что, услышав слова Муратова, Гинзя посчитала его «нравственным уродом» и не застала общаться со столь «низким интеллектном».

Он едва не рассмеялся. Но все это разговор доставил ему большое удовольствие. Он был рад, что Гинзя все время думает об их ксере, что размоляет ей так же неприятна, как и самому Муратову.

Но было и другое, гораздо более важное. Вопросы Гинзя окончательно подтверждали, что Гинзя утончила корабль. Он покинул самоубийства и убийства, — это было очевидно. Не случайно, как полагал Гарсиа, Гинзя обещала оба вопроса а один.

«Надо оправдаться перед ней, — подумал Муратов. — Надо пояснить ей мои слова, если она сама их не может понять».

И он сказал:

— Самоубийство никогда не может быть прекрасным. Никогда! За исключением одного-единственного случая: когда оно совершается для блага других. Но в этом случае надо говорить не о самоубийстве, а о самопожертвовании. Это разные вещи. Пожертвовать собой, чтобы спасти других, — это прекрасно!

— Оправдаться перед ней, как отнеслась Гинзя к его словам, какое они произвели на нее впечатление.

Она смотрела перед собой, на обгоревый экран. У нее был такой вид, словно она ничего не слышала. Но Муратов был почему-то уверен: Гинзя не только слышала, но и задумалась над его словами.

И он не ошибся.

Через некоторое время она сказала:

— Хорошо, я согласна. Но какое право он имел жертвовать другим? У Муратова миллионы мысли, что сказать, которые он тогда видел на лице Гинзя, могли относиться не к смерти Гинзя, а к смерти другого человека, убитого Ригелью. Тогда становилось понятным тяжелое впечатление, произведенное на нее словом «прекрасная».

— О чем вы говорите? — спросил Токарев.

В вездеходе Стоуна только Муратов и, конечно, Гарсиа владели испанским языком. Остальные ни слова не поняли.

— Подождите! — сказал Муратов. — Я вотям рассказку. Мне нужно ответить ей. — Он продолжал по-испански. — Все зависит от обстоятельств. Гинзя бы была глупа, когда человек, умевший в правоте своего дела, вынужден жертвовать не только собой, но и другим, считая, что иного выхода нет. Цель, которую он перед собой ставит, оправдывает в его глазах его действия. Мы не знаем причины, побуждившей Гинзя поступить так, как он поступил. Но мы знаем эти причины. И даже если вы сами не разделяете его взглядов, вы можете объективно ответить самой себе на вопрос, прав ли он. Я назвал смерть Ригэри прекриваемой потому, что она была так, что он сделал это, пожертвовав собой для нас, для людей Земли. С нашей точки зрения, это прекриваемый поступок.

Гинзя повернула к нему голову. И вдруг улыбнулась немимому смущению.

— Простите меня, Виктор. Я тогда вас не поняла и напрасно осудила. — Я насколько не обиделся, — ответил Муратов, — потому что понял разницу между вашим и моим мнением. И даже если вы сами не верите в то, что она тогда это вывела и наелево.

— Да, иногда это труднее, чем кажется, — вздохнула Гинзя, снова поворачиваясь к экрану.

(Продолжение следует)

ИТЕ В ДАЕ

Фото В. ТЮККЕЛЯ

Бор. СЕМЕНОВ

С нимки поправимся всем. Особенно редактору. Он любит сильных, ловких, смелых. И ответственный секретарь тоже любит. И все на мою голову. Утром, едва я переступил порог редакции, как был призван в редакторский кабинет.

— М о т о с п о р т , любишь? — спросил редактор.

— Я люблю. Что ответить, если я ни разу в жизни не ездил на мотоцикле и всегда чертыхалась, когда он тархатит под окнами? Но тут меня за язык дернул дьявол.

— Интересная штука, — сказала я.

— Вот и отлично, раз любишь — обрадовался редактор. — Делай матернал.

Он протянул мне книгу отзывов, которые всем поправилась.

На обороте одного из них была длинная надпись: «Первенство Москвы». Не много сведений о мотоспорте поперешь из такого сообщения. Кто велит? Виктор Тюккеля — наш фотокорреспондент — умчался в очередную командировку. Но писать было надо, и этот «звезд» был единственной интонацией, за которую я мог ухватиться. И еще. На одной фотографии на мотоцикле под номером «21» была девушка.

Путем нашла эту девушку. Она, наверное, поспешает, если честно признаю, что надо писать о мотоспорте, а я

в нем не разбираюсь. Через полчаса я знал, что под номером «21» на первенстве столицы выступала Рина Иванова из Московского текстильного института.

Вечером я отправился домой к Рине. Дверь открыла женщина.

— Вы и Рине? А Рины нет. — Она оглядела меня и с подозрением спросила: — Вы не на мотоцикле?

— Нет, я не умею, — сказала я и потупил взгляд.

— Заходите, заходите! — пригласила Ринина мама, по-моему, она обрадовалась тому, что я не умею ездить на мотоцикле.

Мы вошли в комнату, и Ринина мама сказала:

— Мотоцикл я — мои враги. Судите сами, я не могу даже пригласить вас в другую комнату: Рина устроила там не то гараж, не то мастерскую металлопремонта.

По-моему, у нас даже цветы падают бензином. Вы и вправду не умеете на мотоцикле? Никак у вас счастливая мама! А х? Как Рина приезжает а я в коридор — она там свой шлем оставляет — нет ли на нем вмятин? У нее сиварный характер. Сиротный. Расшибется, наставит себе синяков, а от катери все норовит спрятать.

Разговор переходит на профессионально-мотоциклетную тему.

— Когда она садится на мотоцикл, я всегда

волнуюсь. Если бы вы знали, что такое кросс! Срывай все вместе. Чоловики сорон. Почти все мужичины. Мчатся как оглашенные. А вокруг грохот, лягз. В пыли ничего не видно. Велотелки, что наездник хочет во что бы то ни стало влезаться в мотоцикл соседа.

Тут Антонина Матвеевна вздохнула.

— Едла бы хоть по шоссе — ровню, главою. А то кросс! Ведь это же сплошные рытвины, песком, грязь, лужи, горин, на которые не мотоцикли тебе давонт, а ты его тащишь. Я это сама видела. Показала посетителю на Рину. Она мчалась быстро. Даже свистком. А на подъеме Ринин мотоцикл остановился.

Ведная девочка! Она спрыгнула с машины и начала толкаться не в сторону. Кругом зрители — мужичины. И никто не хочет помочь. Я ни кричу: «Эй вы, рыцари! Помогите девушке! А они хохолют. Оказываются, помогают нехотя. Таковы правила... Удивительный! Но вы знаете, Рина все же выбралась на гоу и выиграла в седло. На следующие круге ее белый шлем первый. Ну, я сплюзю еще больше. А вдруг мотор загаснет? Знаете, всякое бывает. Там все колюче, порианы, какие-то иланы.

Рину? — Рине, да вы не мотоциклист, вам, наверное, все это неинтересно. Но дочь у меня молодец. Самой первой была на финише.

— Новичок, молодец, — подтверждала ли и спрашивала: — А когда Рина будет дома?

— Ох, голубчик! Я же только мама, а не тренер. Откуда мне знать? Они сейчас гоняют где-то в Крыму.

Я позвал Рининую маму фотографировать, которые мы решили напечатать в журнале. То, что она сказала о них, мы и публикуем в виде подписей к снимкам.

Это после гонки. Все кончилось благополучно. Наверное, вечером Рина пойдет в театр.

Что здесь творилось! Пыллица, грохот, лягз. Тою и гляди, врежущая друг в друга.

А Рины здесь нет. Уже прошла подъем. Ух, и намучилась боча в этом месте!

Смелый парень. Но этот поворот Рина тоже прошла лихо. Даже сердце у меня замираю.

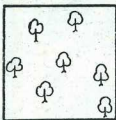
Как разделить хлеб

Древняя задача о делении хлеба записана в знаменитом египетском папирусе Ринда. Папирус этот, найденный в конце прошлого столетия, составлен около двух тысяч лет до нашей эры и является списком с другого, еще более древнего математического сочинения, относящегося, быть может, к третьему тысячелетию до нашей эры.

Вот содержание этой задачи: сто мер хлеба разделить между пятью людьми так, чтобы второй получил на столько больше первого, на сколько третий получил больше второго, четвертый больше третьего и пятый больше четвертого. Кроме этого все пятеро должны получить в семь раз меньше трех остальных. Сколько хлеба надо дать каждому?

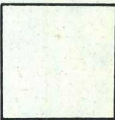
Сад и яблони

В саду растет 7 яблонь. Этот сад надо разделить на части тремя сечениями по прямым линиям так, чтобы в каждой части оказалась по одной яблоне.

Двадцать равных

Перед вами квадрат. Попробуйте расщепить этот квадрат на 20 равных треугольников.

Номер автомашины

Прогуливаясь по городу, три прохожих заметили, что водитель автомашины грубо нарушил правила уличного движения. Номер машины ни один из очевидцев не запомнил, но каждый привел некоторую особенность четырехзначного числа. Один из прохожих уверил, что две первые цифры были одинаковы. Второй вспомнил, что создавали также и две последние цифры. Третий утверждал, что четырехзначное число является точным квадратом.

Можно ли по этим данным узнать номер машины?

Средняя скорость

Автомобиль прошел расстояние между двумя городами со скоростью 60 километров в час; обратный путь — со скоростью 40 километров в час. Какова была средняя скорость автомобиля?

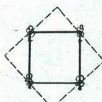
ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 16

«ЧЕТВЕРО БРАТЬЕВ»
8, 12, 5 и 20 рублей.

«КЕНИГСБЕРГСКИЕ»
МОСТЫ
Сделать это невозможно.

«ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ»
У война было 16 ран.

«СВЯЗКА КЛЮЧЕЙ»
Расположение ключей на связке: 78—345—26310.

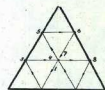

«ПРУД И ЧЕТЫРЕ ДЕРЕВА»

Увеличить пруд вдвое можно таким образом (рисунку).

«КАК РАЗДЕЛИТЬ ТРЕУГОЛЬНИК»

Это делается так (рисунку).

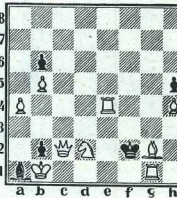
Осенний конкурс «Смены»

Приглашаем читателей—любителей шахмат принять участие в осеннем конкурсе «Смены».

Конкурс состоит из решения трех шахматных композиций различной степени трудности.

Решения надо давать в полной шахматной нотации, с указанием необходимых вариантов. Не забудьте, кроме фамилии, имени и отчества, указать, сколько вам лет, где вы работаете или учитесь, давно ли занимаетесь шахматами.

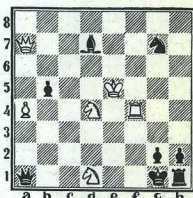
Участник конкурса может набрать максимально 12 баллов. Победителям редакция вышлет премии — специальные дипломы. Последний срок отправки писем в редакцию на наш конкурс — 20 октября 1963 года.

Белые начинают и дают мат в два хода (3 балла).

Белые начинают и дают мат в три хода (4 балла).

Каким образом белые быстрее всего могут дать мат черному королю (5 баллов)?

Руди ШТРАЛЬ (ГДР)

ОБЕТ ТРЕЗВОСТИ

бросил пить. Просто решил, что не в явном смысле. Но я никогда не думал, что победю над собой — самая надежная победа — всего лишь ничтожный шаг на тернистой пути и добродетели. И далеко не юные, темные чертаны, а только их начало.

Мой старый приятель — бармен из пивного бара — был ослеплен в самых высших своих профессиональных чувствах. Он попросту перестал замечать меня. С его легкой руки пошел мрачный слух, что я банально, голб бесцельная, без надежды за душой...

Все это, конечно, мог легко опровергнуть наш почтальон, который каждый месяц приносит мне социальные гонимости. Но когда я предостерег ему моего обещания, тот сначала полчаса чащу чаю, он утратил честное стремление и истинность. Он с профессиональным проглотил чай, а потом наизусть, что если, мол, вам неприятно мое посещение, то чего вы тут сидите прямо... «Что за ерунда! У меня и в мыслях ничего подобного нет...» — хотя было и возразить, но не успел. Поч-

тальон грохнул дверью так, что мне просто стало плохо больно за свое будущее.

А вечером я встретился со своей приятельницей, и мы зашли в ресторан. Я заказал бутылочку вина, непринужденно заметив при этом, что с удовольствием выпил бы вместе с ней, но хому остался трезвым.

— Мерзавец! — сдвинуло прошептала мой знакомая. — Спить винную ревушку, а потом...

Больше я ее не видел. Так погибла любовь.

В пятницу меня пригласила на день рождения дядя Зван. Чтобы не потерять из-за благоприятной добродетели последних родственничков, я пошел и вручу.

— Доктор, дайте, пожалуйста, справку, что мне нельзя пить... попросил я.

Доктор посмотрел на меня поодиночке и стал осматривать и выслушивать так тщательно, как это не делал со мной ни один врач за всю мою жизнь. Закончив осмотр, он кисло улыбнулся и сказал:

— А что, собственно, вам от меня нужно? Вы здоровы, как бы, и с точки зрения врачей.

— Дайте справку! — простонал я.

— Лескостительство!

— Боже мой, я даже не представлял себе, что ослепление профессиональной честности врача может превратить человека в зверя! Ведь мне нужна была самая явная невинная справка...

— Симулянт! — бушевал разгневанный врач. — Вот стою! Или я при-

Обратный полетаж

Владислав Лойчиков

Славно и резко пахнет травой и нагретой, но еще не просохшей после четырехдневных бесперывных дождей землей. Негде летают ласточки, проделывая комкасы вышнего пластика. И гудают в вышине самолеты, исполняя фигуру за фигуру.

Сюда, ниже ста метров, они не спускается. Спустился — приобрел дугитрафные очки. А попробуй но потереть высоту, входя в переревертуй шпотор, когда ориентировка совершенно поворасяет! Вместо привычного давления на плечи летчика вырывает из кабины, и он повисает на ремнях. При этом надо работать русельным управлением не как обычно, «к себе», а как раз наоборот — «от себя».

Это тот самый полетаж, который называют обратным.

Нарисуем одну из его фигур. Представьте вертикально висющую в небе гигантскую восьмерку. По ней взбирается самолет. Он начинает разбег против часовой стрелки. Поднимается. Кабина летчика, его голова — внутри «циферблата». Это планета, что обычный прямой полетаж. Летчик испытывает обычную положительную перегрузку. Неведомая сила, взяв его за плечи, плотно прижимает к креслу даже когда он подлетает к «12 часам» первой «баранки» и уже висит вниз головой.

Но вот самолет начинает подниматься вверх дном уже по ходу часовой стрелки, на вторую «баранку» восьмерки. Кабина и голова летчика оказываются виртуально «циферблатом». И в этот момент неведомая сила, не уже другая, берет, начинает вырывать летчика из кабины — действует отрицательная перегрузка, пошла обратный полетаж.

Состояние не из приятных. Ориентироваться в этот момент в пространстве да еще держать самолет под определенным углом в определенной плоскости, требующей конфигураций восьмерки, необычайно трудно. Нужно иметь талант, помноженный на бесконечный труд в небе.

Итак, самолет описал верхнюю «баранку» восьмерки и начинает дорисовывать левую сторону нижней. Кабина опять внутри «циферблата». Самолет спускается против часовой стрелки. Плотаю вновь усаживается в кресло положительная перегрузка. Опять прямой полетаж. Фигура закончена. Летчик сразу же пошел на другую.

Мы рассказали только об одной фигуре. Она называется вертикальная, или кубинская, восьмерка с положительными и отрицательными перегрузками без поворотов.

Обязать это сказать очень трудно, особенно указать на те моменты, когда действуют перегрузки. Летчик,

как, рассказывая, обычно пользуется руками. Но и руки плохо помогают. Самолет лучше.

Кстати, обратный полетаж для наших спортсменов — дело сравнительно новое. Они начали им заниматься лишь с 1950 года. Но уже добились значительных успехов. Новое дело породило новую технику. Созданный коллективом известного конструктора А. С. Яковлева «ЯК-18Г» получил высокую оценку специалистов. Сильная, легкая, маневренная машина...

Как-то во время полуфинала соревнований я присутствовал на выступлении Владислава Лойчикова. Оставалось распространить, как он летал.

— Можете поздравить — с сарказмом сказал о себе Владислав — Одну фигуру задела. На «колоколе» время того, чтобы упасть назад, ушло вперед.

— А остальные фигуры?

— Как будто ничего.

В тот день у него было еще один полуфинал — сдача сопратама. Двукратный обладатель кубка имени В. П. Челомова, серебряный призер второго чемпионата мира по высшему пилотажу в Будапеште комсомолец Владислав Лойчиков — студент третьего курса МАИ.

Сопромат он сдал. И, несмотря на свои опасения и огорчения, в финал все-таки тоже пошел. А уж выступил на следующую день Слава против отдаленно.

Он был в воздухе и, наверное, знал, что друзья, товарищи по команде, подняв головы, «разговаривали» с ним, «подказывали», что делать.

— Доверился!

— Теперь можно идти.

— Завернул! — тревожный вопрос стоящих на земле друг к другу.

— Нет, Метрл вестит высоту.

— Славиш, куда ты?

— Правую ногу!

— Отлично!
— «Бочку» пошам... раз... два...
Когда смолкает гуд моторов, слышно, как поют птицы.

Едва успев приземлиться, Слава залезает на крыло самолета товарища,

который через несколько минут прилетает старт.

— Когда делашь виток, ручку на себя. Машина приметать-баранит, когда и приближился к стойке, уничтожающе взглянула на меня и прошипела:

— Стены, мучитель! Или ты не знаешь, что ты неслер кафе-молочная?

Краснокрылый «ЯК» вновь лоднижается в небо...

Перевод с немецкого
Т. РОДИНОВОЙ

влеку вас и судебной ответственности за подстрекательство!

А по прожизнью у дяди Зринка, и вспомнить страшно... Гордастью дяди Зринка было домашнее вино.

— Прощай, мое вино, значит, не пьешь! Шпанск предпочитаешь, значит... Тогда и шампанского ему (дяде) Сашинского, не дядя!

— Слава богу, — обрадовался я, и хотя шампанское делал не дядя,

он все равно молча выставил меня за дверь.

Одиннадцатимесяч забросанным, сидел я за письменным столом, размышлял над незаконченной статьей, когда кто-то пеленуло. На лестничной площадке стояли три пионеры. Я знал их. Это были ребята из маргариновой почетными грамотами за достижения в сборе угля, в частности в сборе густой стальной посуды, чему я сам способствовал не в малой степени.

— Здравствуйте, дяденька! — сказали пионеры хором. — Мы сегодня с тележкой, чтобы забрать все бутылки сразу!

— Эх, ребята, — сказал я расстроганно. — Бутылки-то больше нет. Они рассяжались, прошмыгнули мимо меня на кухню. Но нашли там всего две бутылки из-под минеральной воды. Куда идет, спросил их: — А где у вас дяденька, дяденька? — спросил самый маленьенький.

— Нету, — врасплох я иноваторо. — Я, дети, бросаю пить.

— Небось, сбывает свои бутылки сам в утиль-палатке, — заметил старший и посмотрел на меня так неодобрительно, что я не удержался и крикнул:

— Да нет же, ребята, нет! Честное слово!

— Тогда все ясно, — резюмировал старший. — Здесь уже побували из соседней школы!

И все трое помчались вниз по лестнице, явно решив отключить монку-

рирующих сборщиков стеклянной тары.

Я отер со лба пот, напомнил на все добродетели и победил в пианино. Но мой старший приятель-баранит, когда и приближился к стойке, уничтожающе взглянула на меня и прошипела:

— Стены, мучитель! Или ты не знаешь, что ты неслер кафе-молочная?

Рисует
В. НЕДОГОНОВА

— ТРУД СОЗДАЛ ЧЕЛОВЕКА... ИНТЕРЕСНО, ЧТО ПОЛУЧИТСЯ ИЗ ТЕБЯ?

Рисунок В. ТЕСЛЕНКО

ИЗ ИНОСТРАННОГО ЮМОРА

— Извините, пожалуйста, но мне кажется, что вы тот самый дивотланг, который вчера выгнали из озера моего сына...

— Да, — спущенно ответил старик, — но стоит ли об этом говорить?

— А как же! Сиданте, куда вы девали его шапку?

Американец Эсиль Браун, двадцатипятилетний правонарушитель из Индианаполиса, штат Индиана, недавно опубликовал в печати открытое письмо и местными властями, в котором рекомендует больше

считаться с современной молодежью. Письмо заканчивается следующими словами: «Знайте, что сегодняшний юный преступник завтра может стать сенатором!» Знай, дескать, кашан...

— Доктор, умолю, приезжайте немедленно. У жены сильный приступ аппендицита!

— Не волнуйтесь. Два года назад я сделал вашу жене операцию и удалил отросток. У человека не может повториться второй аппендицит!

— Правильно, доктор. Но у человека может появиться вторая жена.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

— НАКАЧИВАЙ!

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Рисунок А. ГРАЧЕВА

РАССТРОЙСТВО ПАМЯТИ

— Доктор, я страдаю расстройством памяти.
— С каких пор?
— Что с каких пор?

ПОДХОДЯЩИЙ СЛУЧАЙ

— Ты слышал Лизевские усмевши маленького англичанина.
— Почему именно англичанина?
— Это же ясно. Когда мальчик начнет говорить, для Лизевских будет самый подходящий случай учить английским лезин.

«ВСТАВАЙ!»

Два студента, Пауль и Георг, были друзьями, жили в одной комнате и как-то раз поссорились. Несколько дней они не говорили друг с другом. Однажды вечером Пауль полоним на стол записку: «Георг, разбуди меня завтра в семь!» Утром, проснувшись, Пауль увидел, что было уже девять... На столе лежал листок бумаги, оставленный Георгом: «Вставай, уже семь!»

«ГДЕ АЛЬПЫ?»

— Папа, где Альпы? — спросил мальчик отца, который не мог отговаривать от телевизора.
— Спроси у мамы. Она то и дело переставляет все с места на место.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Заказчик ателье, почасовая затинка, говорит: «Мал воронкин, да допрыг!»

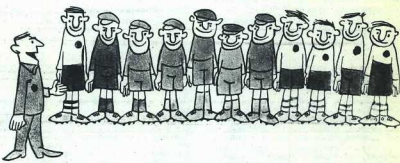
Всю жизнь работал на общественных началах: начинал, а общество заканчивало...

Синюхин упрекал знающую в том, что в городе у нее ветер северозападного направления, временами до сильного.

Сергей КУКАНОВ

«Кинша тонна», — сокрушался поварник после длительного тошения поваря.

В. ЛОМАНИН

— ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА НАШЕЙ НОВОЙ ТАКТИЧЕСКОЙ СХЕМЫ — ОЗАДАЧИТЬ ПРОТИВНИКА!

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделе литературы и искусства — доб. 3-18; очереда и публикаций — доб. 5-32; студенческой молодежи — доб. 4-79; международной жизни — доб. 3-21; физкультуры и спорта — доб. 2-41; сатиры и юмора — доб. 4-32; писем — доб. 2-33; науки и техники — Б 7-35-82; информации — Б 7-65-82; оформления — Б 7-31-32.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакторы: Ю. Н. Верещко, Е. А. Дюплатовская, Е. И. Иванов (заместитель главного редактора), В. А. Костров, В. А. Кочетов, Б. П. Краевский (ответственный секретарь), Е. И. Рабчинков, А. Б. Ступов.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Вудинга.

А 05817. Подписано к печати 23/IV 1963 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 1494.
Заказ № 1901. Формат бумаги 70х108/16.
2 бум. л. — 5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

ВАЛЕЧКА-ВОЛЖАНОЧКА

Музыка Илья ГОРИНА

Слова Исифра СВЕТИЧНОГО

o живлено

Цили
В д. расквжж-то-роде д.е. вушка ж.и.ла, смеилой и от. ма.жнкой с.ветке летра.

рше cresc. f Двое
_ска. ой, ты, волга-ма-тушка, чаек ма. ро. вод... сердце у вол...

cresc. f Все широко
_жа. нок. ки просит. е полет! Вол. га те. чет, пес. мя

В Ярославле-городе
Девушка жила,
Смелой и отчаянной
С малых лет росла.
Ой ты, Волга волная,
Чаек хоровод...
Сердце у волжаночки
Прокисит в полет!

Валечка-волжаночка
В космос поет!

Припев: Волга течет,
Песня плывет,
Сердце у волжаночки
Волжаночка,
Волжаночка,
Волжаночка —
Валечка-волжаночка
В космос поет!

Припев: Волга течет,
Песня плывет,
Сердце у волжаночки
Волжаночка,
Волжаночка —
Сердце у волжаночки
Прокисит в полет!

Крылья ей широкие
Родина дала,
Чайкой быстролетною
К звездам подняла.
Над Землей-планетой
Мчится звездолет...

Над родною Волгою
Огненным горит,
Девушки и юноши
По ночам не спят,
Их сердца уносятся
Чайками в полет...
Валечка-волжаночка
К продвигам зовет!
Припев: Волга течет,
Песня плывет,
Валечка-волжаночка,
Волжаночка,
Волжаночка —
Валечка-волжаночка
К продвигам зовет!

piu mosso

poco mosso
плы. вет, сердце у вол.жа.ночки, волга.ночки, вол.жа.н.ч.ки,

rit.
сердце у волжаночки прокисит в полет!

a tempo

КРОССВОРД

Составил В. ДЫДИНИН (г. Сельдово, Домбасс).

По горизонтали:

- Столица республики Сомахи.
- Порт на Балтийском море.
- Аллея в Ленинграде.
- Историческая советская организация.
- Олимпийская республика.
- История С. Николаева.
- Основной населенный пункт на европейских государствах.
- Помощники для водопроводных изобретений в телевизоре.
- Повесть А. П. Чехова.
- Углубление на вершине вулкана.
- Вещество, применяемое для производства пластмасс.
- Красок, клеи.
- Провинция в Австралии.
- Забуревшие названы некоторых советских космических кораблей.
- Звезда.
- Полынные обитатели советских космосов.
- Немецкой писательницы, лауреат Международной Ленинской премии.
- Химический элемент, газ.
- Полупроводниковый сплав.
- Полустроит на коре СССР.
- Выпускательский автор фильма «Русское чудо».
- Созвездие северного неба.

По вертикали:

- Часть гидроколлектора.
- Волжурский советский парк.
- Хвойное дерево.
- Руководитель движения Сопротивления во Франции, автор книги «Борьба за мир».
- Открытие М. Ю. Лармантова.
- Парформеры излещя.
- Отряд физики.
- Балет А. Ш. Алана.
- Повесть Ч. Айтматова.
- Англоамериканский советский архитектор.
- Роман Т. Драйзера.
- Осенний град.
- Спортивное ларуемое судно.
- Город на Волге.
- 25 Старинный город в Белоруссии.
- Советский физик, изобретатель первой электронной системы в телевидении.
- Система, состоящая из двух или нескольких металлов.
- Стрел в Италии, на историческом истребителе М. Горького.
- Полноядная для бонсаи.
- Часть плоскости, ограниченная замкнутой кривой.

11	27	31		4	5	6	
32	0	0	4	U	W	8	
	R	K	Y	T	O	A	Q
16	0	4	4	N	A	P	U
	A		O	U	C		P
10	6	E	4	W	13	K	P
	0	mu	18	0	A	P	19
30	R	A	T	E	R	24	H
	J	U	W				
22	U	U	U				
	A	A	25	26			
27	0	A	S	K	28	29	E
32	33	34	A	B	T	U	A
36	O	0	H	G	A	K	

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НА ПЕЧАТАННЫХ В № 18

По горизонтали:

- Геронтопсия.
- Возеро.
- Район.
- Снега.
- Медведь.
- Арслар.
- Ильва.
- Домра.
- Снега.
- Ванноч.
- Ирланд.
- Блабуна.
- Сенатор.
- Очки.
- Телга.
- Водост.
- Полуост.
- Соблаин.
- Варма.
- Ильянин.
- Восток.
- Иллюминатор.

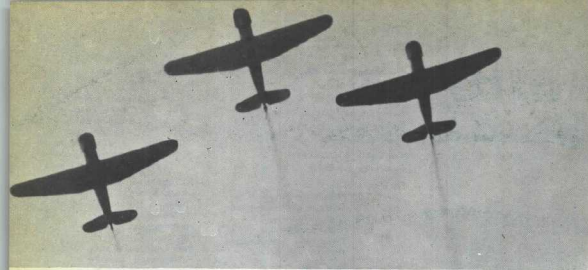
По вертикали:

- Телера.
- Родос.
- Учитель.
- Астра.
- Дальур.
- Волчар.
- Кельин.
- Федоровский.
- Хорографий.
- Нильсон.
- Вольтер.
- Ариша.
- Нисас.
- Алекс.
- Стар.
- Нильсон.
- Ифранс.
- Нильсон.
- Артуни.
- Доменов.
- Вирро.
- Аван.

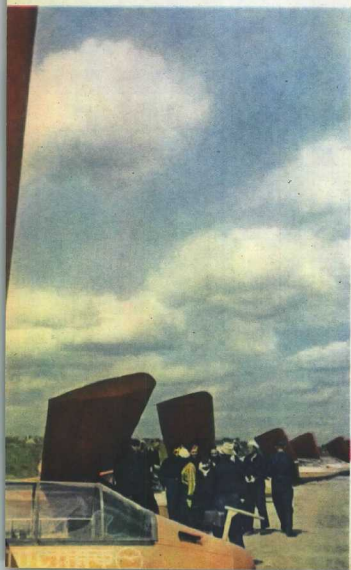
Цена номера 20 коп.

Индекс 71391

Фото В. ТЮККЕЛЯ

Небо-небо! Оно зовет только смелых, только отважных. И нет числа им в нашей стране.

В этом номере «Смены» мы рассказали о В. Поляковом и его друзьях — летчиках-спортсменах. Сюда, в нашей стране тайных дерзких парней и девчат, тех самых парней и девчат, что учатся летать — и летают, учатся прыгать с парашютом — и прыгают, учатся парить на планере — и парят, учатся строить авиамодели — и строят.

Отважные начинают свою летную жизнь в аэроклубах, где получают первую путевку в небо, точно так же, как некогда ее получили Юрий Гагарин и Валентина Терешкова, Павел Попович и Валерий Быковский.

Недавно страна отметила День Воздушного Флота. Его встретили, как и полагает, встречать праздники. Выдающегося успеха добился строитель из Алма-Аты парашютист Павел Дмитриенко. Совершив комбинированный прыжок с высоты 1 500 метров, Павел дважды приземлился точно в центре мишеней. Это — абсолютный мировой рекорд, который уже нельзя улучшить! Разве что повторить.

А земляк Дмитриенко — авиамоделист Петр Величковский — чемпион СССР нынешнего года! Созданная им модель пролетела словно настоящий самолет 185 километров и установила новые рекорды мира в полете на дальность по кругу.

А литовские планиристы Семь рекордов «сдались» перед их мужеством, находчивостью, умением.

Небо-небо! Оно всегда зовет в свою сторону, в свои просторы, в свою оглушительную тишину. Зовет только смелых. Только отважных.

